

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

МИР

1-1992

РОССИИ

UNIVERSE
OF RUSSIA

СОЦИОЛОГИЯ
ЭТНОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ТОМ I

22

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

62522

МИР РОССИИ Universe of Russian

СОЦИОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Том I

№ 1, 1992

Издается с 1992 г.

Выходит 4 раза в год

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Лапин Н. И.	<i>СТАТЬИ:</i> Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, пер- спективы) 5	Lapin N. I.	<i>ARTICLES</i> Russia's calamitous time (historical transformations, crisis, values and perspectives) 5
Беляева Л. А.	Российское общество в преддверии рынка: тревоги, ожидания, надежды 39	Beljaeva L. A.	Russian society is looking forward to market relations: anxieties, expectations and hopes 39
Шкаратан О. И. Фигатнер Ю. Ю.	Старые и новые хозяе- ва России (от власт- ных отношений к соб- ственническому) ... 67	Shkaratan O. I. Figatner J. J. Perepjolkin L. S.	Former and new masters of Russia: from power relationships to proprietary ones. Origins of ethnic conflict in Tataria ... 91
Перепелкин А. С.	Истоки межэтническо- го конфликта в Тата- рии 91		
Кареев Н. И.	<i>НАСЛЕДИЕ СОЦИАЛЬ- НОЙ МЫСЛИ:</i> Марксистская соц- иология (Публикация и комментарий В. П. Золотова) 115	Kareev N. I.	<i>HERITAGE OF SOCIAL THOUGHT</i> Marxist sociology (Pub- lication and commentary by Zolotarjov V. P.) .. 115
Пивоваров Ю. С.	<i>РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ:</i> Николай Данилев- ский: в русской куль- туре и мировой науке 163	Pivovarov J. S.	<i>REFLECTIONS AND DEBATES</i> Nicolay Danilevsky in Russian culture and World science ... 163
Summaries 217	Summaries 217

РИД "ИМИДЖ"

МОСКВА, 1992 ГОС. ПЕЧАТНИЦА

1. Эту позицию отстаивал в цикле статей, написанных совместно с проф. О. И. Шкаратаном, и автор настоящей работы. См.: Перепелкин Л. С., Шкаратан О. И. Экономический суверенитет республик и пути развития народов: теоретическая дискуссия вокруг вопросов практической жизни // Советская этнография. 1989. № 4; они же. Экономическая модернизация и национальное возрождение // Общественные науки и современность. 1991. № 2.

2. Обзор западных этносоциологических концепций полиэтнического общества и межнациональных конфликтов см. в кн.: Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока / Отв. ред. А. А. Праздускас. М., 1991.

3. Для исчисления уровня социально-экономического развития обычно применяются несколько методик. Его можно определить по уровню душевого национального дохода, розничному товарообороту на душу населения и т. д. Все методы имеют свои преимущества и недостатки. Так, две названные методики не учитывают региональные различия в коэффициентах заработной платы, односторонне отражают развитие республиканских (национальных) экономик. Вот почему, в частности, в соответствующих столбцах табл. 1 лидируют республики Якутия и Коми.

Предлагаемая нами методика, исчисление интегрального показателя уровня развития, базируется на следующей методологии. Уровень социально-экономического развития определяется как степень развития в регионе промышленного производства и городских отраслей хозяйства вообще при интенсивном сельском хозяйстве. Последнее можно измерить через производство сельскохозяйственной продукции на душу сельского населения. Степень развития городских отраслей хозяйства определяется как отношение численности (доли) городских к численности (доле) сельских жителей, т. е. через "индекс урбанизированности" республики или региона. Интегральный показатель развития был получен при умножении двух первых показателей.

Общая формула интегрального показателя уровня развития (X) выглядит следующим образом:

$$X = \frac{A \times C}{B \times B}, \text{ где}$$

- A — валовое производство сельскохозяйственной продукции в руб.,
B — численность сельских жителей,
C — численность горожан.

Данная методика, однако, имеет сравнительно узкий спектр применения. В связи с большими межстрановыми различиями в строении сельскохозяйственного и промышленного капитала, ее лучше использовать для определения уровней развития регионов одной страны, причем в конкретно-исторических условиях.

4. Подробнее см.: Перепелкин Л. С., Шкаратан О. И. Переход к демократии в полиэтническом обществе // Политические исследования. 1991. № 6.

5. Материалы опросов опубликованы лишь частично в книгах: Этносоциальные проблемы города / Отв. ред. О. И. Шкаратан. М., 1986; НТР и национальные процессы / Отв. ред. О. И. Шкаратан. М., 1987.

6. Данные переписей обработаны под руководством к.э.н. А. М. Коршунова сотрудником Института проблем занятости РАН Е. В. Терентьевой.

7. В 1905 г. была образована мусульманская партия Иттифак, ставившая цель создать государственное образование мусульманских народов Российской империи в пределах или за пределами последней.

8. Под нацией здесь понимается специфический тип этнической общности, свойственный индустриальному уровню развития, для которого характерна сопряженность с национальной государственностью (включая ее редуцированные формы) и социальной структурой, охватывающей все общество и государство.

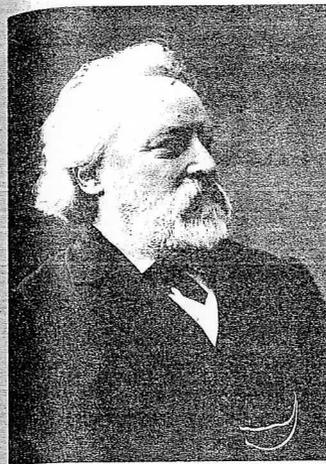
9. Известия. 23 марта 1992.; Известия. 24 марта 1992 г.

10. Известия. 7 марта 1992; Известия, 18 марта 1992 г.

11. Лефевр В. А. Формула человека. Контуры фундаментальной психологии. М., 1991. С. 45.

12. Минигимер Шаймиев. С Президентом Республики Татарстан беседует публицист Лев Овруцкий // Московские новости, 26 апр. 1992 С. 11.

13. Там же.



ОТ РЕДАКЦИИ

Николай Иванович Кареев (1850 — 1931) — крупнейший русский историк и социолог, чьи труды некогда были широко известны не только в России, но и за рубежом, ныне основательно забыты.

Н. И. Кареев родился в Москве в дворянской семье. В 1869 г. первым учеником окончил Пятую московскую гимназию и поступил в Московский университет. Учился у знаменитых историков: М. С. Куторги, В. И. Герье, С. М. Соловьева. В 1877 — 1878 годах Кареев в Париже, где написал свое знаменитое исследование "Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века". Его перу принадлежит также большое число разнообразных исторических работ, в том числе семитомная "История Западной Европы в Новое время" (1892 — 1917), "История Французской революции" (1924 — 1925) и др. По возвращении из Франции Кареев преподавал в Петербургском университете. В 1910 г. он стал членом-корреспондентом Российской Академии наук, а позже — почетным академиком Академии наук СССР (1929). В 1899 г. Кареев был уволен из Петербургского университета за связь со студенческим движением и вернулся туда после 1905 г. Вместе с группой политических деятелей пытался предотвратить трагические события 9 января 1905 г. В дальнейшем Кареев — активный деятель партии кадетов, член I Государственной думы. После 1906 г. постепенно отходит от политики и всецело посвящает себя научной работе.

В первой половине 80-х годов XIX в. в основном сформировалась социологическая теория Кареева, которой он с небольшими изменениями придерживался всю свою жизнь. Наиболее ярко она отразилась в его докторской диссертации "Основные вопросы философии истории", вышедшей в двух томах в 1883 г. Продолжением и развитием ее основных положений стало другое его большое сочинение "Сущность исторического процесса и роль личности в истории" (1889), которое сам ученый считал лучшим своим произведением. Кареев — автор ряда социологических работ, таких, как "Историко-философские и социологические этюды" (1895),

Два Митраччи

"Введение в изучение социологии" (1897), "Общие основы социологии" (1919), "Основы русской социологии" (1930, не опубликована) и др.

Главный источник социологии Кареева — позитивизм, в особенности концепция О. Конта. Сам Кареев неоднократно подчеркивал близость своих взглядов и воззрениям французских позитивистов. Однако Кареев выступил с критикой некоторых посылок Конта, утверждая, что французский социолог совершил неоправданный скачок от биологии к социологии через психологию, и поставил на место индивидуальной психологии Конта психологию коллективную. Кареев предвосхитил многие идеи неокантианцев, в частности Виндельбанда, Риккерта и Зиммеля. Кареев был одним из создателей и ярким представителем всемирно известной субъективистской школы русской социологии. В исторической социологии Кареев был одним из последних крупных исследователей, использовавших в своих работах субъективный метод. Согласно взглядам Кареева, общество есть совокупность экономических, политических и юридических факторов; определяющим же фактором, по его мнению, была духовная культура. Поэтому еще в 90-е годы Кареев подверг резкой критике теорию К. Маркса за ее догматизм, неразработанность и экономический детерминизм.

Предлагаемая глава "Марксистская социология" входит в книгу "Основы русской социологии" — последний труд Кареева, написанный им в конце 20-х годов — период, названный им самим "закатными" годами. Это были трагические для всей страны годы. Кареев не эмигрировал, не оказался в числе высланных большевиками в 1922 г. представителей российской интеллигенции (хотя он был среди тех, кто имел мужество прийти проводить отъезжавших). Однако он ясно представлял себе тот невосполнимый урон, который к тому времени уже понесла (и неизбежно должна была понести в будущем) российская культура. Поэтому он, как мог, стремился сохранить для потомков достижения отечественной науки, в частности истории и социологии, хотя и не надеялся дожить до того времени, когда его сочинение увидит свет. В публикуемой ниже главе Кареев старался "без гнева и пристрастия" (и, может быть, именно поэтому столь убедительно) охарактеризовать идеи российских социологов-марксистов.

Публикацию и комментарии подготовил В. П. Золотарев. Оригинал рукописи хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве. Ф. 119. (Н. И. Кареев). П. 38. Ед. хр. 18. Л. 300-380 (в авторской нумерации); Л. 1-84 (архивная нумерация). Примечания Н. И. Кареева даются в конце страницы (как в оригинале), примечания публикатора — в конце текста.

Редколлегия "Мира России" намерена и впредь публиковать на страницах журнала неизвестные и малоизвестные произведения лучших представителей отечественной культуры.

МАРКСИСТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Н. И. Кареев

Экономический материализм после полемики конца XIX в. — Влияние Октябрьской революции на судьбы социологии в России. — Дialeктизм марксистской социологии. — Г. В. Плеханов. — В. И. Ленин. — П. П. Маслов. — Н. А. Гредескул. — Историко-марксисты: М. Н. Покровский. — Н. А. Рожков. — Главные систематизаторы теории экономического материализма: Н. И. Бухарин, И. П. Разумовский, С. Оранский и др. Главные пункты систематизации.

После бурного периода социологической полемики между марксистами и народниками во второй половине последнего десятилетия прошлого века наступило некоторое затишье. Теоретический антагонизм отступил на задний план перед политическим антагонизмом двух партий, социал-демократов и социалистов-революционеров, да и теоретические аргументы научно-философского спора с обеих сторон были исчерпаны. Если и поднимались новые теоретические вопросы у марксистов, то не в виду внешней оппозиции, а по поводу, так сказать, искривлений правильной линии среди самих последователей Маркса. С другой стороны, произошло обращение легальных марксистов в идеализм, которое не могло не ослабить позицию экономического материализма в нашей социологической литературе. Некоторые даже думали и уверяли других, что песенка экономического материализма была спета, что у него в России нет будущего, что его видимые успехи были явлением временным, преходящим.

На самом деле это было не так. Наоборот, марксизм широко распространялся, и сравнительное затишье, наступившее в социологической полемике, далеко не означало собою, чтобы то же произошло в глубинах общественной жизни. Мы видели, что этико-социологическое направление образовалось (1) как раз в период революционной борьбы 70-х годов, но что между этим направлением и этой борьбой не было такой тесной связи между отвлеченной теорией и жизненной практикой, какая так характерна для марксизма. Разочарование того кредита, каким пользовались у передовой интеллигенции и у учащейся молодежи теоретические воззрения Лаврова, Михайловского, Чернова и др., хотя последние здесь были ни при чем по отношению ни к хождению в народ, ни к террору. Конечно, лишь немногих могли заражать чисто теоретические, чисто научные результаты социологических работ кабинетного и кафедрального происхождения. Неудача революционного движения 70-х годов вовсе не была логической проверкой на опыте теории, но дело понято большинством особенно молодежи именно так, и естественно было искать новой теории.

Эту теорию и давал марксизм, в котором вопросы отвлеченной теории и жизненной практики были тесно соединены в одно нераздельное целое. В нем достижение социального идеала явилось не результатом усилий критически мыслящих и героически настроенных личностей, как в "Исторических

письмах" Лаврова, наименее социологическом его трактате, а как последняя стадия закономерно совершающегося объективного исторического процесса. Другими словами, социализм тут был понят не как цель, ставившаяся сознанием и достигаемая усилиями личностей, а как заложенный в самом бытии конечный результат исторического процесса, естественный предел социального развития. Так учение Маркса и было истолковано многими социал-демократами на Западе, а у нас легальными марксистами, вооружившимися как раз против того, что было революционным и не вполне доказанным в "субъективной социологии".

Факт был тот, что марксизм не только не умер, как пророчили близорукие люди, но одержал победу по всей линии. Октябрьская революция 1917 г. совершилась под знаменем марксизма и под руководством одного из его теоретиков, что, разумеется, не могло не содействовать успеху и экономического материализма*. Фактическая победа теории на политическом поприще для многих получила значение подтверждения ее верности. Переход власти в руки марксистских вождей не мог не отразиться и на внешних условиях, в какие были поставлены как научные занятия вообще, так в особенности социологическая работа, издание книг и статей по социологии, ее преподавание в высшей и даже в средней школе. Марксизм получил значение государственного учения, оберегаемого идеологической цензурой. Когда окончилась гражданская война, для развития марксистской философии и социологии было открыто особое отделение в Институте красной профессуры (1921) и создан был философский журнал "Под знаменем марксизма" (1922), после чего были организованы другие научные издания, каковы "Вестник Коммунистической Академии", "Записки Научного Общества Марксистов"', "Летописи марксизма", "Историк-марксист". Наконец, в старую Академию наук вошло несколько ученых марксистов, специалистов по философии, по истории, по политической экономии и по литературоведению (1929) (2).

Вместе с этим во все высшие школы была введена, как для всех студентов обязательный предмет, теория экономического материализма, в духе которого стало преподаваться и в средней школе обществоведение, заменившее собою прежнюю историю. Социологическое преподавание не могло не породить целого ряда общих курсов по теории экономического материализма, в которых она стала получать систематическую обработку, и еще большего количества более кратких учебников и пособий хрестоматийного характера***.

* См. Кареев Н. Октябрьская революция и экономический материализм /Под знам[енем] маркс[изма], 1927. X-XI.

** См. Покровский М. Задачи Общества Марксистов / Историк-марксист, 1926, 1.

*** Адоратский В. Исторический материализм (сборн. по Ленину). Аксельрод Л. И. Курс лекций по историческому материализму. Критика основ буржуазного обществоведения и экономического материализма. 1926. Баммель. Теория и практика экономического материализма в выдержках из произведений Ленина (1924). Бухарин Н. Теория исторического материализма (1921). Волжанин С. Исторический материализм. 1925.

Делались даже попытки изложения курса социологии для потребностей второй ступени трудовой школы, какую попыткой является книга С.Фарворовского и И. Кочергина "Социология" (1920), представляющая собою, по словам составителей, "синтез истории, тесно связанный, как вывод из обобщения материала, с историей и политической экономией", ибо сама эта наука, по их определению, есть "синтез общественно-историко-экономических и естественно-исторических данных". Потом этот предмет стал называться "обществоведением".

Благодаря этому образовалась такая обширная литература, какой не имело у нас ни одно из прежних направлений социологии и какой не имеет марксизм нигде вне России. То, чего долго не доставало экономическому материализму, теоретическое его обоснование, его систематизация, разработка его деталей, все это давалось теперь этой обильной литературой, стремившейся в то же время создать единое правильное понимание теории. Прежняя социология дробилась на разные направления, и вместе с тем представители каждого направления, в отдельности взятые, еще не сходились между собою по многим важным вопросам. Теперь стало выработываться, так сказать, общее учение, отклонения от которого рассматривались как отступления от чистой, основной, главной руководящей линии, как разные уклоны в сторону старых социологических теорий. Этим создавалась единая социологическая ортодоксия, и отнесение к буржуазности сделалось обычным полемическим приемом в критике всего, что стало квалифицироваться, как буржуазное и эклектическое*.

Вольфзон С. Диалектический материализм. 1926.

Горев Б. Очерки исторического материализма. 1925.

Деборин А. М. Введение в философию диалектического материализма.

Карев Ник. Исторический материализм, как наука (Под знаменем марксизма. 1929. XII).

Куразов. Исторический материализм. 1929.

Покровский М. Н. Экономический материализм (1920).

Оранский С. Основные вопросы марксистской социологии (Т. I. 1929).

Разумовский И. Курс теории исторического материализма (1927).

Сарабянов В. Экономический материализм. 1925.

Семковский. Конспект лекций по экономическому материализму (1927). Его же. Экономический материализм (сборн.).

Трахтенберг И. Беседы с учителями по историческому материализму (ПЗМ. 1924).

Тюменев А. Теория исторического материализма. 1926.

Удальцов А. Экономический материализм (сборн.).

Фингерт Б. Краткий учебник экономического материализма. 1926.

Энгель Е. Очерки материалистической социологии (1923). Автор последней книги в 1919

г. издал очень слабую в научном отношении "Социологию".

Сборник "Исторический материализм (источники, комментарии, библиография)".

* Л. И. Аксельрод-Ортодокс (3) в свое[м] изложении[и] экономического материализма соединила "Критику основ буржуазного обществоведения", каковое заглавие и дала своей книжке, где она, между прочим, говорит о Конте, Спенсере, Виндельбанде и Риккерте, а из русских упоминает М. Ковалевского, Михайловского (по поводу Спенсера), В. Соловьева (по поводу Конта), М. Н. Покровского (по поводу Риккерта), Лаврова (о его исторических письмах) и Кареева (по поводу Спенсера).

"Социологии, как действительной науки об обществе и о законах его развития, — говорит Разумовский, — буржуазия не создаст и создать не может", ибо ее "субъективизм, ее метафизичность (?)" ... стремятся затушевать материальные противоречия общества, оправдать капиталистическое

При таком положении дел немарксистская социология пришла в полный упадок. Еще в первые годы после революции выходили некоторые такие книги*, но потом такие работы перестали выходить. Из прежних социологов кто умер, кто эмигрировал, кто перестал писать или не мог ничего издать, а новых немарксистских авторов не появилось ни одного.

В этой литературе прежнее название экономического (потом исторического) материализма все чаще стало заменяться названием диалектического материализма, т. е. более тесное понятие более широким, специально-социологическое — общефилософским, по отношению к которому еще более широким понятием является понятие "марксизм", охватывающее не только все научно-философское миросозерцание, но и всю политическую практику в ее программе и практике. Экономический материализм только часть диалектического материализма как теории марксизма, у которого есть и своя еще практика. Здесь не место вдаваться в подробности чисто философской (гносеологической и онтологической) части марксизма**, и остается только упомянуть о ее представителях и о ее основной идее.

Главным философом марксизма явился Абрам Моисеевич Деборин (4) (1881), автор, между прочим, "Введения в философию экономического материализма" (1907), с 1929 г. действительный член Академии наук. Его специальностью сделалась разработка материалистической диалектики, которую он защищал и обосновывал как на естественно-научном, так и на общественно-научном материале, понимая философию, прежде всего, как науку о науках, как ее метод или общую научную методологию. Однако в детальной разработке философского материализма он выдвинул вперед диалектику в естествознании и взял на себя методологическое руководство в научной работе молодых ученых в областях математики, физики, химии и биологии. Социология была Дебориным оставлена на втором плане, хотя и не игнорировалась вполне ("Ленин, как мыслитель", "Диктатура пролетариата и теория марксизма", "Марксизм, Ленин и современная культура", "Фрейдизм и социология", "Марксизм и культура") не столько, впрочем, в отвлеченно-теоретической, сколько злостной, практической постановке. Другими представителями материалистической философии сделались Л. И. Аксельрод-Ортодокс***, Н. Кареев (5), И. Луппол (6).

разделение труда" и т. д. (Под это определение, во всяком случае, не подходит русская до-марксистская социология, отмежевывавшаяся от всякой метафизики и как раз вдохновлявшаяся идеалами социализма). Ср. Л. Аксельрод. Критика основ буржуазного обществоведения и материалистическое понимание истории. Этому же автору принадлежит "В защиту диалектического материализма".

* Это были "Общие основы социологии" Кареева (1919), "Общественная жизнь людей" П. Мокеевского (1918), "Двойная форма борьбы за существование" Дипзе (1919), "Общество и государство" (1918), "Наука об общественной жизни" (1921), "Общество и его механизм" (1922) и "Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм" (1924) Тахтарева, "Основы социологии" (1919) Хвостова, второе издание "Общественных классов" Солнцева (1923) и "Коллективная рефлексология" Бехтерева (1921).

** Баммель Гр. О нашем философском развитии за 10 лет революции / Под знаменем марксизма. 1927. X-XI.

*** Ее книга "Философские очерки", составившаяся из отдельных статей в различных периодических изданиях и имеющая подзаголовок "Ответ философским критикам исторического материализма", вышла в свет в 1906 г. и дважды переиздавалась в двадцатых годах. Ближайшего отношения к социологии она не имеет. В последнем отношении нужно иметь в виду преимущественно ее книгу

Если родоначальники позитивизма (Конт, Милье, Спенсер) стояли на кантианской точке зрения познаваемости только мира явлений и недоступности его сущности для познания, и социологам, как исследователям одной из частей мира явлений, не было никакого дела до метафизического спора из спиритуалистов (или идеалистов) с материалистами, то марксизм занял в философии резко выраженную позицию. Сама социологическая теория Маркса вытекала из его философского материализма. Он сам находил нужным "согласовать науку об обществе с материалистическим основанием философии" или, как выразился Ленин, экономический материализм был "последовательным продолжением, распространением материализма на область общественных явлений" или "достраиванием материализма доверху". По этой причине систематические изложения познания и бытия общественных явлений, но занялись решением общих гносеологических и онтологических вопросов в материалистическом смысле, выходя, следовательно, за пределы компетенции социологии, как положительной науки, изучающей определенную категорию явлений в окружающей нас действительности без какой бы то ни было метафизики. Соответственно материальной основе всякого бытия и основа бытия общественного должна была мыслиться, как материальная, и основа бытия общественного соответствует экономика. Основной тезис этой социологической теории — постулат общего философского миросозерцания. Будучи материалистическим оно, однако, отмежевывалось от вульгарного материализма второй половины XVIII в. и от механического материализма середины XIX столетия, объявив себя диалектическим, вследствие чего главные усилия философского мышления марксистов и направились на разработку диалектики, которая притом была ими понята не только как метод мышления, но и как основной закон объективного развития*.

Эта сторона марксизма обратила на себя внимание его критиков сначала в гораздо меньшей степени, нежели экономическое объяснение истории, и только несколько позднее** в наших журналах стали появляться статьи специально на эту тему вроде статей Н. Г. "Материализм и диалектическая логика" (Рус. Бог. 1898, VI) и Н. Х. "Опровергнута ли диалектика?" (Науч. Обзор. 1898, XII),

* Критика основ буржуазной социологии", о которой см. выше. Ее взгляды, однако, подвергаются критике. См. Ник. Кареев. А. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму.

* Еще Чернышевский горячо стоял у нас за диалектический метод, принимая его за закон развития сущего (см. особенно его "Критику философских предубеждений против общинного землевладения", появившуюся в 1858 г. и по ее поводу ст. Славинского "Развитие явлений общественного быта" в "Отеч. Зап." за 1859 г. (Ср. В. Кирпотин. Чернышевский и диалектика / Под Знам. маркс. 1928. XI). Лавров склоняется к той мысли, что диалектический закон "оправдывается, по-видимому, в очень многих сферах человеческого сознания", т. е., значит, не во всех и только сознания, а не бытия. Дань увлечения диалектизмом отдал в свое время и автор настоящей книги в "Основных вопросах философии и истории" (в самом конце, кн. IV, гл. III "Общий закон прогресса", параграф 3 "Закон Гегеля" и параграф 4 "Общая проверка закона прогресса на элементах культуры", не исключая и социального бытия: "прогресс есть движение вперед через развитие противоположностей", ибо для того, "чтобы что-либо прогрессировало, необходимо отрицание прежнего".

** Статья Н. И. Зиберера "Диалектика в ее применении к науке" (Слово, 1879), бывшая передачей содержания известной книги Энгельса *Herrn E. Duhrings umwulzung der Wissenschaft*, была явлением довольно одиноким и мало обратила на себя внимание в свое время.

принадлежавшие Х. Житловскому (7) и Н. Х. Херсонскому (8). (Первая из них была перепечатана отдельной брошюрой в 1907 г.) В глазах критиков экономического материализма, как мы видели в своем месте, употребление его представителями диалектического метода было даже одним из аргументов против самой теории, будучи принято за метафизический пережиток за "гегельянщину". И на самом деле марксизм, вышедший из философской своей стороне из левого гегельянства, располагал своих последователей вернуться к Гегелю, что у нас и стало признаком ортодоксального марксизма в отличие от гетеродоксального искания философского обоснования в других философских направлениях (в неокантианстве, в эмпириокритицизме и т. п.).

Здесь можно, не входя в подробности, ограничиться указанием на то, что этой стороне марксизма, заставлявшей многих называть экономический материализм диалектическим, стало отдаваться все больше и больше места в марксистской литературе, как это можно видеть из ряда отдельных работ, посвященных вопросу. Для общей характеристики достаточно здесь указать на статью проф. Гредескула (9) в журнале "Под знаменем марксизма" (1927, № 7—8), где понятие диалектической эволюции противопоставляется понятиям двух видов эволюции, которыми пользуются немарксистские социологические теории. Одна такая эволюция, называемая автором механической, но могущая быть названной и органической, есть та самая, которую Конт называл спонтанной, эволюция в Спенсеровском смысле. Иначе это — саморазвитие, я сказал бы "самотек". От нее отлична другая эволюция, — противопоставляемая той Лестером Уордом (10), как антропологиическая генетической, — у автора обозначается, как эволюция творческая, по примеру Бергсона. Эти две эволюции различались постоянно, как известно, и в старой русской социологии, как естественный ход вещей и как вмешательство в него со стороны человека, как процессы бессознательный и сознательный или преднамеренный. Марксизм выдвинул третье понятие эволюции, заимствованное им из философии Гегеля, понятие развития диалектического, или движения путем противоречий. Только Гегель говорил о диалектическом движении в сфере духа, тогда как Маркс перенес ее в сферу природы: диалектика может быть не только в уме, в человеческой голове, но и во внешнем мире, в природе и в истории. Это не только метод мышления, но и метод действия в реальном мире. Острие рассуждений своих Гредескул направил не против первой, механической эволюции, которую он называет столь же монистичной и научной, как и диалектическую, а против творческой, признанной им за понятие дуалистичное и ненаучное, даже религиозное. Конечно, вопрос о том, как совершается всякая эволюция, есть вопрос не специально социологический, а общенаучный, но Гредескул дал ему такое решение, по которому понятие механической эволюции признается верным и лишь недостаточным, а только и могущее применяться в социологии и в истории понятие эволюции творческой безусловно отвергается*.

* По этому пункту ср. ст. Ст. Кривцова "Проблема стихийности и сознательности в ленинизме" (Под знаменем марксизма. 1929. 1), где, однако, вопрос решается не так.

Переходя к рассмотрению социологических воззрений отдельных, наиболее видных марксистских социологов, начнем с Г. В. Плеханова, выступление которого, под псевдонимом Бельтова, в 1895 г. с книгой "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" положило начало в России экономическому материализму. Под этим псевдонимом и под другими он продолжал защиту своей социологической позиции. Такое значение имели следующие статьи Плеханова: 1) "Несколько слов в защиту экономического материализма" с подзаголовком "Ответ г. Гольцеву (11)" (Рус. Мысль. 1896. IX), содержащая возражение на критику последнего, о которой уже было сказано выше. 2) "Об экономическом понимании истории" (Новое Слово, 1897. IX) и разбор книги Лабриола (12) "Essais sur la conception materialiste de l'histoire". 3) "Нечто об истории" (Самарский Вестник. 1897. № 8 и 10) по поводу русского перевода "Социологических основ истории" Лакомба (13). 4) "К вопросу о роли личности в истории" (Научное обозрение. 1898. III и IV), где давался разбор разных ответов на этот вопрос. 5) Книга "Критика наших критиков" (1901). 6) "Ответ на открытое письмо Богданову".

После той полемики, которую Плеханов вел против прежней русской социологии, теперь он напал и на легальных марксистов, и на эмпириомонизм Богданова в России, а в Германии на ревизионизм Бернштейна, на эмпириокритицизм Маха и Авенариуса, поправивших и дополнявших Маркса. Резкий полемический тон — наиболее характерная черта произведений Плеханова, которые интересны для социологии, но и в них он не сказал, в сущности, ничего нового сравнительно с "Монистическим взглядом", и заслуживает быть отмеченным только его взгляд на роль личности в истории. Сочувствие нашей молодежи к признанию за блатородному труду на общую пользу", но он неверно толковал воззрение "субъективной социологии" (16), которая будто бы "противополагала деятельность критически мыслящих личностей влиянию законов общественного движения". Это была очень неточная формулировка: законам исторического движения никто никогда из наших социологов не противопоставлял, а противопоставлялись друг другу сознательная и целеустанавливающая деятельность стихийному ходу вещей. В сущности, взгляд Плеханова не отличался от взгляда прежних социологов, он даже нашел нужным защитить экономический материализм от обвинения в том, что он отрицает значение сознательного и целеполагающего человеческого действия. "В России, — писал он под псевдонимом С. Ушакова в своем ответе Гольцеву, — до сих пор (1896) распространен тот странный предрассудок, что теория экономического материализма осуждает личность на бездействие, что если правы экономические материалисты, то все произойдет само собою". По смыслу теории "общественные отношения суть отношения людей, и ни один великий шаг в истории не может совершиться без участия великого множества людей, т. е. масс. Необходимость их участия обуславливает необходимость воздействия на массы более развитых личностей. Таким образом открывается широкий простор для деятельности отдельных личностей" и т. д.

Опровергая неправильное суждение об экономическом материализме с этой стороны, Плеханов мог бы назвать Струве, как одного из виновников данного недоразумения. В статье "К вопросу о роли личности в истории" он, не называя Струве, привел его взгляд на личность как на *quantite negligible* *, назвав это nepозволительной крайностью. "Правильная точка зрения будет найдена, — заключал Плеханов, — только тогда, когда мы сумеем объединить в синтезе заключающиеся в них (в тезисе и антитезисе) истины".

Вообще, не прибавив ничего существенного к прежним заявлениям в названных статьях, Плеханов продолжал сохранять усвоенный им полемический характер, причем в многочисленных своих статьях он выступал больше против иностранных авторов, критикуя, напр., ревизионизм Бернштейна, эмпириокритицизм Маха и Авенариуса, отношение Масарика (15) к марксизму и т. п., а у нас Струве и Богданова. В полемических статьях своих Плеханов, конечно, не мог не давать своих положительных формулировок основных тезисов экономического материализма и некоторых его деталей, а в 1908 году довольно кратко и суммарно изложил общие итоги своего социалистического мышления в "Основных вопросах марксизма".

В брошюре "Основные вопросы марксизма" Плеханов рассматривал учение Маркса как "целое мирозерцание" и поэтому прежде всего высказался о попытках дополнения марксизма другими философиями, причем нашел это совершенно лишним. Эта часть брошюры с той точки зрения, на которой экономический материализм является только одним из социологических учений, для нас здесь не представляет социального интереса. Материалистическому объяснению посвящена была только вторая половина брошюры, и нужно признать, что для своего времени попытка Плеханова систематизировать экономический материализм достаточно достигла своей цели и была превзойдена в смысле подробностей только через два десятилетия. Резюмировать эту систематизацию можно словами самого автора следующим образом: "Свойства географической среды обуславливают собою развитие производительных сил, развитие же производительных сил обуславливает собою развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений... Раз возникнув, данные общественные отношения сами оказывают большое влияние на развитие производительных сил. Таким образом, ... между развитием производительных сил и общественным строем возникает взаимодействие. Порождаемые данной экономической структурой правовые и политические отношения оказывают решительное влияние на психику общественного человека", под которою у Плеханова разумелись и мышление и идеология. Раз "хозяйственная жизнь развивается под влиянием роста производительных сил", то "изменяются и взаимные отношения людей в процессе производства, а с ними и человеческая психика". В этом процессе изменений "есть место как для скачков, — эпохи социальных революций, так и для постепенных изменений... Постепенные количественные изменения в свойствах данного порядка вещей ведут, наконец, к изменению качества, т.е. к падению

* Франц.: нечто, не стоящее внимания, чем можно пренебречь (прим.—В.З.).

старого способа производства и к замене его новым... Имущественные отношения, сложившиеся на данной ступени роста производительных сил, в продолжении некоторого времени способствуют дальнейшему росту этих сил, а потом начинают мешать ему". Еще короче эти утверждения, взятые с разных страниц, могут быть выражены в следующей последовательности: "1) состояние производительных сил; 2) обусловленные им экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической основе; 4) определяемая частью непосредственно, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем, психика общественного человека; 5) различные идеологии, отражающие на себе свойства этой психики".

Эту последнюю формулировку Плеханов защищал, между прочим, как "достаточно широкую, чтобы дать место всем формам исторического движения", и как "чуждую того эклектизма, который не умеет идти дальше взаимодействия между различными общественными силами и даже не подозревает, что факт взаимодействия между этими силами еще не решает вопроса общих происхождений", хотя сам Плеханов об этом-то последнем довольствовался немногими утверждениями, не входя в детальный анализ. Одной из своих задач он ставил защитить Маркса от обвинения его критиками в односторонности и в его "будто бы пренебрежении ко всем другим факторам общественного развития, кроме экономического". По мнению Плеханова, это обвинение было результатом "непонимания (критиками) той роли, которая отводится у Маркса — Энгельса взаимодействию между основанием и надстройкой". Дело для него тут было не в односторонности, а "только в стремлении к монизму, в отвращении к эклектизму", в котором Плеханов упрекал всех критиков экономического материализма.

Во всех своих теоретических работах Плеханов выступал самым правверным марксистом. Правда, он признавал, что "развитие научного социализма еще не закончено и не может остановиться на трудах Энгельса и Маркса" и что "установлением основных положений нового учения должна последовать детальная разработка относящихся к нему вопросов, дополняющая и разрешающая (?) переворот, совершенный в науке" обоими учителями, но он протестовал против разных попыток (между прочим, Луначарского и Фриче (16), будущих авторитетов теории) отделить экономическую и историческую (значит, и социологическую) сторону этого учения от его философского (т. е. материалистического) обоснования и, так сказать, дать ему какое-либо новое обоснование в какой-либо иной философии вроде неокантианства или эмпириокритицизма.

Все только что изложенное сделало Плеханова настоящим родоначальником марксистской социологии в России. Уже одно то обстоятельство, что Ленин советовал тщательно изучать его философские произведения, как наилучшие во всей, не одной только русской литературе по марксизму, указывает на это значение Плеханова, как теоретика экономического материализма. Особенно для развития этой теории было важно то, что, благодаря разносторонним образованиям, он применял свою теорию к таким

"идеологическим надстройкам" над "экономическим базисом", каким, по данной теории, являюся религия, искусство, литература. Как бы ни критиковали очень многие марксисты частности философского и социологического мирозерцания Плеханова, не говоря уже о политическом его поведении в 1905, 1914 и 1917 гг., все представители теории экономического материализма все-таки были его учениками, хотя бы и находили потом его сочинения несоответствующими эпохе, устарелыми по форме и трудными для понимания позднейших читателей (отзыв Бухарина), слишком полемическими, мало систематическими, далекими от удовлетворения педагогическим требованиям, от принятых приемов академического изложения (отзыв Разумовского) и т. п. Плеханова в марксизме называл своим учителем и Владимир Ильич Ульянов (1870—1924), тоже сделавший свой вклад в русскую социологическую литературу и выступивший в печати под разными псевдонимами, из которых один — Ленин — перешел в историю*. Как раз то обстоятельство, что он прославился как партийный и классовый вождь революционного пролетариата и политический деятель, достигший величайшего практического успеха, отодвинуло его писательскую деятельность на второй план, да и как писатель он был не столько отвлеченным теоретиком, сколько вплотную стоявшим к жизни публицистом. Сами социологические вопросы в его произведениях ставились и решались Лениным в постоянной связи с текущими злобами дня, с непосредственными практическими задачами революционной борьбы, с требованиями ее стратегии и тактики, с условиями ее технической стороны.

Одним из первых произведений пера Ленина была вышедшая несколькими месяцами раньше наделавших столько шума в 1894—1895 гг. книг Струве и Плеханова. Это была очень большая книга, изданная гектографически в ограниченном количестве экземпляров, т. е. конспиративно и анонимно, и озаглавленная так: "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов". (Ответ на статьи "Русского Богатства" против марксистов.) В свое время она распространялась нелегально в очень ограниченном кругу читателей, впоследствии как бы совсем исчезнувших со сцены, и была впервые издана настоящим образом только через три десятка лет после своего написания.

Этот "ответ на статьи "Русского Богатства", появившийся раньше книг Струве и Плеханова, был вызван статьями Михайловского, Кривенко (17), Южакова (18) и др. за 1893 и первые месяцы 1894 гг. Это была сплошная

* Деборин А. Ленин, как мыслитель. 1924.

Бухарин Н. Ленин, как марксист. 1925.

Баммель. Мысли Ленина о марксизме. 1925. Его же. Теория и практика диалектического материализма в избранных отрывках из произведений Ленина. 1924.

Быстровский В. Ленин историк.

Тальгеймер А. Ленин, как философ (Под знаменем марксизма. 1924. VIII—IX).

Луппол И. Ленин и философия. 1927.

Варьяш А. Диалектика у Ленина. 1928.

Разумовский И. К воззрениям Ленина на государство и право (Под знаменем маркс. 1927. I—II).

Ленин и ленинизм. Алфавитно-предметный указатель. 1928. В кн. Розанова Я. "Библиография исторического материализма" (1928). См. ч. I, отд. V (литература, посвященная характеристике философско-социологического мировоззрения Ленина).

и очень резкая полемика, причем собственно по экономическому материализму автор нападал на Михайловского, начав с наиболее слабого пункта его субъективизма, а именно с таких его заявлений, как: "Социология должна начать с некоторой утопии" и "признав нечто желательным или нежелательным, социолог должен найти условия осуществления этого желательного и устранения этого нежелательного", как будто социология не должна быть наукой прежде всего о сущем, а не о желательном или возможном. Начинать с вопроса что такое прогресс, указывал здесь Ленин, значит начинать с конца. Теории Михайловского он противопоставлял учение Маркса, который, прибавлял он, "впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественных отношений, установив, что развитие вокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких отношений есть естественно-исторический процесс", не допускающий никаких изменений по воле общества и правительства. Изобличая Михайловского в незнании и непонимании Маркса и даже в "подтасовках и передержках", он попутно излагал и комментировал положения Маркса, что лишало изложение систематичности, так как его порядок зависел от возражений Михайловского. Притом оспаривание теоретических взглядов последнего занимало меньшую часть работы, большая же часть ее была посвящена более конкретному вопросу о положении русских дел. Интересно, что, полемизируя против сотрудников "Русского Богатства", Ленин брал под свою защиту против них Струве, на которого они тогда нападали по поводу одной немецкой его статьи.

В конце того же 1894 г., когда вышли, говоря сокращенно, "Друзья народа", Ленин за подписью К. Тулина поместил в тотчас же уничтоженном марксистском сборнике "Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития" (1895) большую статью "Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве". Не увидевшая тогда света, эта статья была перепечатана только в 1907 г. в сборнике статей Ленина "За двенадцать лет", и тогда он прибавил к ней подзаголовок "Отражение марксизма в буржуазной литературе". В этой статье, написанной на тогдашнюю злобу дня, была особая глава, посвященная "критике народнической социологии", занявшая только около одной шестой части статьи. В это время Струве был еще союзником Ленина, примыкавшим, по собственному признанию, только к некоторым (а не ко всем) положениям марксизма, и тем же идейным противником, классовую сущность которого он определял, как мешанскую, мелкобуржуазную. Субъективизму русской социологии Струве противопоставлял объективизм марксизма, но Ленин находил, что у него настоящая точка зрения была проведена неполно, и объективизму он противопоставил в этом отношении материализм. "Объективизм, — писал он, — говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материализм вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения... Материалист,

с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы". Мы видели в своем месте, что Струве выступал апологетом, в прошлом, рабства, и "материализм" Ленина был в этом отношении гораздо ближе к субъективизму, чем к объективизму Струве. Так как последний видел сущность "субъективной социологии" в принятии в нее "роли личности", то и Ленин стал на ту точку зрения, что "особая социологическая теория о роли личности или о субъективном методе ставит утопию на место критического материалистического исследования". Вместе со Струве исходным пунктом социологии он брал не единичную личность, а группу, с точки зрения которой (а не личности) и рекомендовал производить оценку. "Для народника, пояснял он свою мысль, достаточно констатировать факт, порождающий идеалы, затем привести указания на законность идеала с точки зрения современной науки и современных нравственных идей и взывать далее к обществу и государству" на счет проведения идеалов в жизнь. Марксист исходит из того же идеала, но сличает его не с современной наукой и современными нравственными идеями, а с существующими классовыми противоречиями, и формулирует его поэтому не как требование науки, а как требование такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношениями (которые подлежат объективному исследованию) и достижимое лишь так-то вследствие таких-то свойств этих отношений. Если, заключал Ленин, не свести таким образом идеалы к фактам, то эти идеалы останутся невинными пожеланиями, без всяких шансов на принятие их массой и, следовательно, на их осуществление". Если отметить еще несогласие с взглядом Струве на отсутствие у марксизма "чисто философского обоснования", то в приведенных воззрениях и заключается социологическая сторона данной статьи Ленина.

Работы Ленина середины девяностых годов были продиктованы не столько потребностью изложить и развить основные идеи марксизма, сколько отразить сделанное на них нападение и в свою очередь разгромить их противников. Следующим этапом в полемике Ленина за марксизм была защита им уже не социологической, а философской стороны этого учения. Как Плеханов, так и он твердо стояли на материалистической позиции, которую занимали Маркс и Энгельс, но в начале текущего столетия, "целый ряд писателей, желавших, как их определял Ленин, быть марксистами, предприняли настоящий поход против марксизма". Именно в 1908 году вышли в свет четыре книги, общему чертою которых было искание философских основ для марксизма вне того материализма, который исповедовали Маркс и Энгельс, Плеханов и Ленин. Одной из этих книг были "Очерки по философии марксизма", сборник статей семи авторов (Базарова, Богданова, Луначарского и др.), среди которых были и авторы двух других книг: Юшкевич (19), написавший труд под заглавием "Материализм и критический реализм", и Берман (20), написавший "Диалектику в свете современной теории познания", четвертою же книгою были "Философские

построения марксизма". Все эти писатели так или иначе примыкали к русской социал-демократии, между ними некоторые были большевиками, и вот их единовременное выступление со своего рода революционизмом было встречено в 1909 г. сильным отпором со стороны Ленина (под псевдонимом Вл. Ильина) целой книгой "Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии". Нужно прибавить, что это его выступление не было единичным: высказывались против философских ревизионистов и другие теоретики марксизма (Л. Аксельрод, А. Деборин, Г. Плеханов). Это была целая "товарищеская война", как назвал ее Ленин. Ему возражали, в свою очередь и Богданов большой статьей "Вера и наука", и Юшкевич в книге "Столпы философской ортодоксии", и Базаров в сборнике своих статей "На два фронта" (все это появилось в печати в 1910 г.), и вообще этот труд Ленина обратил на себя внимание в печати, вызвав несколько рецензий.

Здесь не место входить в подробности этого философского спора, в котором были подняты гносеологические и онтологические вопросы, далекие от специальных вопросов социологии. С точки зрения последней здесь у нас должна быть отмечена одна глава, занимающая около одной девятой части книги "Материализм и эмпириокритицизм".* И здесь, как и во всей книге, Ленин выступал полемистом против критиков материализма (и не одних только русских). Положительных высказываний у него здесь было мало, и они имели более общий характер. Напр., "материализм вообще, — писал он, — признает объективно-реальное бытие (материю) независимо от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания. Сознание и там, и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (идеально точное) его отражение. В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины" и т. п. Гениальность Маркса и Энгельса Ленин видел тут в том, что они почти полу столетие двигали свое основное направление, "не топчась на повторении решения уже гносеологических вопросов", показывая, наоборот, "как надо проводить тот же материализм в области общественных наук". Оба они "от начала о конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма к идеализму и фидеизму во всех и всяческих новейших направлениях". "Новейшая философия, — говорил Ленин в заключение, — так же партийна, как и две тысячи лет тому назад". Борющимися партиями являются материализм и идеализм, эта утонченная форма фидеизма. В прислужничестве фидеистам (т. е. религии) в их борьбе против материализма вообще, и против исторического материализма в частности, Ленин и видел всю объективную роль того направления, с которым боролся. Вообще существование нового к прежним своим соображениям на счет исторического материализма он в этой своей книге ничего не прибавил.

* Об этой работе Ленина есть статьи Деборина, Луппола и Максимова (Под знаменем марксизма. 1924. I и X—XI).

Что, однако, особенно заслуживает внимания в защите Лениным экономического или исторического материализма, это — признание старого партийного характера этого учения и вообще всей его материалистической философии. Раз всякая идеология является только надстройкою над общественным основанием, а это основание имеет классовый характер, то и философия, и наука не могут не быть классовыми, партийными. Беспартийность, для которой Ленин не стеснялся самыми резкими определениями, казалась ему только лицемерием и скудоумием. Весьма естественно, что с этой точки зрения он и в своей критике выступал партийным полемистом. Эта черта проходит через все работы Ленина, касающиеся социологии (кстати сказать, в начале своей деятельности он употреблял этот термин, от которого потом отказался). И после "Материализма и эмпириокритицизма" он продолжал заниматься философией, даже в эпоху мировой войны. Но революция направила деятельность Ленина не по линии теории, а по линии практики, так сказать, завещав другим написать ту философскую книгу, о которой думал сам (см. письмо "О значении воинствующего материализма" в редакцию журнала "Под знаменем марксизма", 1922). Продуктами революционного периода были две работы Ленина "Государство и революция" (1917) и "Пролетарская революция и ренегат Каутский" (1919).

Оба эти произведения, написанные уже в период революции, имеют характер полемический, будучи в частности направлены против одного из вождей германской социал-демократии Карла Каутского, содержание же их относится к вопросу, который не стоял на очереди во времена полемики с "народниками" и "эмпириомонистами". Это был вопрос о государстве с марксистской точки зрения, которая, как выразился Ленин, сделалась предметом искажений, получивших "неслыханную распространенность". Для "восстановления истинного учения Маркса о государстве" он привел целый ряд цитат из собственных сочинений Маркса и Энгельса о государстве, как "продукте и проявлении непримиримости классовых интересов", как "органа классового господства, органа угнетения одного класса другим", как "органа эксплуатации угнетенного класса", умеющего, однако, "отмереть" с исчезновением классов (именно отмереть, а не быть отмененным, что можно сказать только о буржуазном государстве во время пролетарской революции). Благодаря такой постановке вопроса, Ленин собрал здесь большой материал, касающийся не только чисто теоретических рассуждений Маркса и Энгельса, но и их отношения к европейским революциям, начиная с 1848 г., причем выдвигается вперед не только теория, но и практика революций, особенно интересовавшая автора. Книжка писалась летом 1917 г. и, издавая ее уже после октября, Ленин в послесловии к ней написал, что "приятнее и полезнее опыт революции проделывать, чем о нем писать". В "Государстве и революции", как и в "Пролетарской революции" он вел борьбу с теми, которые, называя себя марксистами, "из марксизма явными софизмами выхолащивали его революционную живую душу, в марксизме признают все, кроме революционных средств борьбы", — направление, которое он назвал между прочим "струвизмом". Во второй

книжке Ленин выступал уже защитником не только марксистской теории, но и практики, которую считал по настоящему марксистской.

Это практическая сторона настоящего, как его понимал Ленин, а не искаженного "ренегатскими" толкованиями марксизма, вообще доминировала во всех его произведениях, писавшихся в защиту надлежащим образом понимаемого марксизма. Ленин был больше его апологет, чем его исследователь, а потому и оставил гораздо меньше материала для дальнейшей разработки теории, чем Плеханов, который, наоборот, как политический деятель, с точки зрения Ленина, вошел в группу "социал-фашистов" вместе с Каутским в Германии, с Гедом во Франции, Вандервельдом в Бельгии и другими видными социалистами всех стран. Весьма естественно, что при такой исключительной ортодоксальности Ленина, представленное им направление марксизма получило название "ленинизма".

Ленин не разрабатывал отдельных вопросов марксистской социологии, но никто так интегрально, во всей совокупности, и так ортодоксально не воспринимал марксизма с его материализмом и диалектикой, с его экономическим объяснением истории и сведением последней к борьбе классов с его теорией ценности, с его учением о социальной революции и о диктатуре пролетариата, с его коммунизмом и интернационализмом. — Социология экономического материализма не выделялась им, как особая доктрина, из общего комплекса. "Если, — писал Ленин в своей статье о Марксе в "Энциклопедическом словаре" Граната (т. 28), — если материализм вообще объясняет сознание из бытия, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения общественного сознания из общественного бытия", т. е. для него социология вытекала из философии, экономизм первой из материализма второй. Исходя из такого взгляда, Ленин отвергал иную социологию. "Домарксовская социология и историография, — писал он в той же словарной статье, — с его учением о социальной революции и о диктатуре пролетариата, в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса". Отсюда происходил и его глубокий индифферентизм ко всем немарксистским направлениям современной социологии. Его он не занялся в такой же мере, как философией в период борьбы с теми марксистами, которые обосновывали марксизм не на материализме. Высоко ставя Плеханова, Ленин, однако не находил в нем надлежащего понимания диалектики, как марксистской теории познания, а политику его отверг как "социал-фашистскую". Вот этими своими интегральным и ортодоксальным он и оказал наибольшее влияние на дальнейшее социологическое мышление. Один из авторов общих руководств по экономическому материализму (Куразов И. Ф. Экономический материализм. 1929), насчитав двадцать два пункта, по которым Лениным было внесено что-либо новое по теории и практике марксизма, называет пять, относящихся к экономическому материализму, но между ними нет ни одного по основному тезису о базисе и надстройке. Вот почему у позднейших излагателей теории сравнительно редко были ссылки на мнение Ленина, хотя и являлись проникнутыми его общим духом.

Среди экономистов, усвоивших марксистскую точку зрения, хотя не в одинаковой мере, особенно выдвинулись еще до революции Маслов и Солнцев, оба ставившие себе социологические задачи и оба совершенно сделавшиеся действительными членами Академии наук.

Более решительным марксистом заявил себя в области политической экономии Петр Павлович Маслов (21) (род. в 1867 г.), познакомившийся еще в ранней молодости с трехлетним тюремным заключением, бывший в середине последнего десятилетия прошлого века редактором первого легального, но не долговечного марксистского органа в России ("Самарский Вестник"), в котором, кроме Струве и Туган-Барановского (22), сотрудничал и Ленин, и в конце концов эмигрировавший за границу, откуда вернулся только в 1913 г. Главной своей теоретической темой он сделал учение о развитии производительных сил и о его влиянии на разные формы и типы хозяйств и на перераспределение последних между разными отраслями производства. Самым важным общим трудом Маслова является его "Теория развития народного хозяйства" (1910), где, между прочим, им была дана оригинальная социологическая схема строения экономического развития. Автор прямо дал этой своей книге, бывшей переведенной по-немецки и по-французски (1912 и 1914), подзаголовок "Введение в социологию и в политическую экономию". Более популярное изложение своей эволюционной схемы он дал в "Курсе истории развития народного хозяйства с первобытных времен до XX столетия" (1914), выдержавшее несколько изданий, причем к иллюстрации теоретических положений на конкретных примерах был привлечен большой исторический материал. Основные социологические воззрения Маслова были им изложены также в двухтомном учебном пособии "Науке о народном хозяйстве" (1920—1923). В начале 1929 г. Маслов сделался действительным членом Академии Наук СССР*.

Не столь близкую к ортодоксальному марксизму позицию занял Сергей Иванович Солнцев (23) (род. 1872 г.), книга которого об общественных классах, бывшая его докторской диссертацией, была уже рассмотрена в главе о социологии начала XX века. Солнцев начал свою научную деятельность еще в студенческие годы, когда произвел одну статистическую работу на тему, предложенную юридическим факультетом Петербургского университета, получив за нее медаль и возможность видеть ее напечатанною в одном сборнике (1903). Уже в этой студенческой работе компетентные люди усматривают "марксистскую методологическую установку"**, на которой он удержался и впоследствии, занявшись преимущественно вопросами распределения и заработной плате (1911), как в магистерской своей диссертации, так и в докторской об общественных классах (1917), целиком относящейся к области социологии. О социальном же распределении и о социальных классах он поместил статьи в "Энциклопедическом словаре" Граната. Докторская диссертация Солнцева была издана в Томске, где он

* Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук по отд. гуманитарных наук (1930), с. 78-84.

** Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по отделению гуманитарных наук. 1930. С. 120-123.

занимал кафедру политической экономии, но в 1913 г. он перешел в Петербург. Здесь он издал в 1923 г. переиздававшуюся не раз книгу "Введение в политическую экономию", посвященное "предмету и методу" этой науки, где при разрешении вопроса о них "весьма близко подошел к марксизму", по отзыву одного из компетентных в данном случае лиц*. В 1929 г. Солнцев был избран в действительные члены Академии наук СССР.

Последнему из названных трудов Солнцева придал не только вообще методологический характер, но и сильно социологическую окраску, рассмотрев в нем ряд чисто социологических воззрений, между прочим, и новейших русских социологов, каковы Сорокин и Тахтаров** (24). Его особенно заинтересовал в первом отделе труда вопрос о том, что такое "социальное явление" вообще и в частности экономическое явление с точки зрения разных направлений социологии. Между прочим, он подверг критике психологическое направление, пришедши к тому выводу, что "психическое взаимодействие между индивидами составляет необходимую предпосылку для возникновения социального явления", но что "далеко не всякие акты такого взаимодействия приводят к социальному явлению. Психологистам он противопоставил писателей, искавших основу общественности во внешних условиях и отношениях, из которых, однако, ни у кого из них эта точка зрения не была выражена так "выдержанно и полно", как у Маркса. Однако у психологистов Солнцев сам взял в качестве "необходимых предпосылок" "сталкивающиеся психики, сталкивающиеся желания, цели, интересы", т. е. психическое взаимодействие, но, подчеркивал он, общение между людьми заключается не в одном только последнем, и кроме психологической обусловленности, есть еще другая обусловленность, чисто социальная, заключающаяся в особой связанности общественных отношений, в объективированности связи между индивидами вне их самих и их сознания. Таким образом, необходимыми предпосылками для наступления социального явления являются обусловленности "естественно-техническая", как Солнцев обозначил эту вторую, и психологическая. Для данной темы в его книге особенно важна небольшая глава под названием "Экономика и психология". Из факта обусловленности социальных явлений психологическим взаимодействием отнюдь не вытекает сведение изучения этих явлений к изучению психического, т. к. объектом социального познания являются социальные явления, как таковые. "Психология может служить политической экономии в роли лишь вспомогательной науки", но такой же характер могут в данном случае иметь и науки естественные и технические. Нужно прибавить, что Солнцев не игнорировал методологических заслуг Канта в деле изучения общественных явлений. Наконец, он не обошел молчанием и вопроса об "этическом субъективизме", высказавшись против него, находя, что в объективизме "устранение личности и социального анализа является лишь средством более полного, более точного и более надежного познания".

* См. там же. В издательском предисловии к книге Солнцева назван был "экономистом-электиком, соединяющим в своих построениях различные, несоединимые по существу, теоретические воззрения. Кроме того, Солнцев издал хрестоматию по тем же вопросам" (1925).

** Более раннюю русскую социологию Солнцев игнорирует, кроме моего "Введения" (25).

В рассматриваемый период на сторону экономического материализма из прежних юристов-социологов стал Н. А. Гредескул, о котором уже шла речь выше, в главе о юристах-социологах, равно как и в настоящей. В его лице марксизм сделал тем более важное приобретение, что в начале своей деятельности он выступал решительным противником учения, к которому теперь примкнул. В 1905 г. Гредескул прочитал в Харькове публичную лекцию и издал ее отдельной брошюрой под заглавием "Марксизм и идеализм", в которой присоединился к оппонентам экономического материализма, усмотрев в нем только "идейное поветрие", "заразительную болезнь", "эпидемию среди русского общества и русской молодежи". Это направление, однако, казалось ему тогда начавшим "быстро сбывать", прямо "уступившим место совершенно иным, прямо противоположным учениям", т. е. идеализму. В своей брошюре Гредескул воздерживался от полемического тона и даже находил в основной идее экономического материализма "много справедливого", видел во внесении в историческую науку экономического взгляда "несомненную и крупную заслугу Маркса". Он "соглашался с важностью и даже с первостепенной важностью экономического фактора в истории человечества", но отвергал "полную зависимость идейных факторов от экономического" и материалистическое понимание мира Марксом. В своем изложении наибольшее развитие автор дал первому из этих двух пунктов, стараясь доказать, что "экономический фактор есть такой же идейный фактор, как и государство, право, наука, религия, искусство и пр.", хотя на деле более говорит о психичности, а не об идейности этого фактора. По отношению к праву и государству он приходил, однако, "к выводам, очень близким к схеме Маркса", видя, впрочем, в них не "надстройку", а вместе с экономикой "постройку" для удовлетворения человеческих потребностей. Но, даже, соглашаясь с надстроечностью религии, науки, искусства, этики, Гредескул обосновал ее только на "живой человеческой психике, самоцельной и самоактивной". Таким образом, марксизм им частично принимался, между прочим, даже в его "схеме и терминологии", "исходная его посылка была отвергнута, и материализму решительно был противопоставлен идеализм, "устанавливающий суверенитет, верховенство духа" и принцип самоцельности личности с оговоркою, в пользу общественности*.

Позиция, занятая Гредескулом по отношению к марксизму, была уже тогда, таким образом, двойственная: одно им принималось, другое отвергалось, как это, впрочем, было и с другими, склонными к принятию отдельных элементов экономического материализма в свой социологический синтез. После революции он начал работать в марксистских изданиях. Об одной из его статей о трех видах эволюции было уже сказано выше.

В журнале "Под знаменем марксизма" за 1927г. (II—III) появилась статья Гредескула "От обезьяны к человеку", рассматривавшая "положение вопроса в естествознании и марксизме" с особым указанием на важность этого вопроса для социологии. В ней автор выдвинул вперед написанную еще во второй половине семидесятых годов, но только через полвека сделавшуюся известной в печати работу Энгельса "Роль труда в процессе

* Аналогичные мысли Гредескул высказал и в брошюре "Право и экономика" (1906).

очеловеченья обезьяны", входящую в состав его "Диалектики природы". Автор критикует психологическую школу в социологии, которая, по его словам, "уводит человека из животного царства", "трактует человека как духовное существо, все действие этого существа выводит из психики, игнорируя человеческую плоть с ее материальными соотношениями". Нельзя не признать такую характеристику психологического направления преувеличением и, следовательно, искажением. И это направление стояло на той точке зрения, что и марксизм, хотя и не сливающий социологию с биологией, "не топящий первую в последней", но и "не отрывающий социологию без биологии", "не строящий первую без биологических корней". Но мысль Энгельса о, так сказать, трудовом происхождении очеловеченья обезьяны действительно является важным приобретением социологии.

В 1929 г. Гредескул издал первый том своей книги "Происхождение и развитие общественной жизни", целиком посвященный "биологическим основам социологии", где он вернулся к тем вопросам о взаимоотношении между биологией и социологией, об органическом развитии и о дарвинизме в социологии и о животной общественности, которые занимали первых русских социологов. Многое в его соображениях повторяет их основные идеи касательно развития, с одной стороны, индивидуальности, с другой — солидарности, которая у автора называется "общностью", "товариществом", на высшей ступени развития — коммунизмом. Подобно своим предшественникам Гредескул признал человеческую общественность прямым продолжением стадной общественности, особенно развив ту мысль, что "общественность и общественная жизнь есть исконный и важнейший фактор животной эволюции" и притом эволюции прогрессивной. В числе приобретений, сделанных от своей общественности стадными животными, автор достаточно выдвинул вперед область чувств, эмоций, что ввело в круг поднятых им вопросов чисто психологические предположения и соображения. Уже у стадных животных имеется особое общественное чувство, основа человеческого чувства, "только выдвинутого в более сложную и более развитую умственную атмосферу". По своей тематике эта книга близко подходит к большой статье Лаврова "До человека". Но Гредескул высказался в своей книге решительным противником старой социологии, что характеризует, можно сказать, общее отношение представителей экономического материализма ко всей немарксистской социологии. "Социологические теории до исторического материализма, — говорит Гредескул, — вели, если так можно выразиться, призрачное существование. Они очень плохо, недостаточно, искаженно, в лучшем случае лишь частично верно схватывали действительность... Они оставались в чистой идеологии или фальшивыми голосами подпевали действительности, вместо того, чтобы ее преобразовывать... Теории оставались теориями и не влияли на действительность, как это подобает истинной теории; они не воплощались в жизнь, они оставались над жизнью, присутствовали в надстройке, но не переходили в постройку жизни".

Переходим к историкам-марксистам.

В главе об отношении наших историков к проблеме социологии (26) мы видели, до какой степени последние игнорировали социологию. Можно даже

сказать, что в громадном большинстве случаев они и не стремились к какой-либо общей теории исторической эволюции, довольствуясь некоторыми общими положениями, разделявшимися большинством специалистов данного времени. До самого последнего времени, приблизительно до последних десяти-пятнадцати лет перед революцией 1917 г., на историко-филологических факультетах даже не было систематического преподавания общей теории истории, а когда ее более или менее ввели, то в виде исторической методологии, в более тесном смысле теории исторического знания, взятой с технической формальной стороны, в смысле учения об источниках, критик их подлинности и достоверности, о вспомогательных дисциплинах, служащих истории и т. п., а не со стороны философско-социологической, самостоятельно интересовавшей очень немногих историков. Мы видели также, как мало участвовали у нас историки в социологической литературе, хотя бы по сравнению с юристами. Одним словом, историки и социологи были у нас донельзя разобщены, а в иных случаях социологические устремления историкам их со товарищами ставились в минус. Такое разъединение социологии и истории прекратилось с появлением у нас историков-марксистов, т. е. с началом усвоения частью русских историков идеи экономического материализма. В данном случае мы имеем дело с прямым влиянием определенной социологической доктрины на историографию. Было бы, однако, ошибочно думать, что те из наших историков, которые еще до начала проповеди у нас экономического материализма уже более или менее определенно подводили экономический базис под общественный строй, испытывали на себе влияние именно теории Маркса. На таких историков действовало, прежде всего, общее сознание важности экономической истории. Во второй половине XIX века уже нельзя было думать, как это наивно думал Грановский, что политическая экономия важна только для историков, занимающихся новым временем. Сама общественная жизнь обнажала хозяйственную подпочву исторического бытия и развития, но, являясь в некоторой мере предшественниками у нас экономических материалистов, эти историки не обобщали своего тяготения к изучению данной стороны жизни и не формулировали никакой социологической истории. Говоря это, я имею в виду Ключевского, Виноградова (27), Вишпера (28), Петрушевского (29) и Е. В. Тарле, историков с особенно заметным экономическим уклоном, у одних более далеким к экономическому материализму, у других более к нему близким. В своем месте мы даже видели, как относились некоторые из названных историков к экономическому материализму.

Историки, усвоившие марксистскую доктрину, появились в России еще до революции 1917 г., а после революции число их умножилось в связи с общим направлением, какое приняли, как общественная жизнь, так и гуманитарное образование. Как для философии был создан специальный орган "Под знаменем марксизма", так для истории стал выходить в свет "Историк-марксист" (1926). Возникли и марксистские институты для изучения истории и подготовки будущих специалистов-историков, т. е. исследователей и преподавателей.

Среди русских историков-марксистов особенно выдвинулся Михаил Николаевич Покровский (род. в 1868 г.), могущий быть названным главой марксистской исторической школы*.

Покровскому, как специалисту по русской истории, принадлежит громадный ряд общих трудов и частных исследований, в числе которых особое место занимают его историко-теоретические работы и критические разборы немарксистских исторических и философских воззрений как в русской, так и в иностранной литературе. Среди его методологических и исторических работ с методологическим характером выделяются вышедшие еще в 1906 г. "Идеализм и законы истории"**, "Идеализм и мещанство" и "Экономический материализм".

Последняя из этих работ имела несколько изданий и была переведена на иностранные языки. Далее к той же категории принадлежит "Строго научный метод" (в книге "О влиянии времени", 1908), "Маркс, как историк" (1918), "Борьба классов и русская историческая литература" (1923), "Марксизм и особенности исторического развития России" (1925), "Задачи общества историков-марксистов" (1926).

Влияние исторических идей Покровского распространилось и на постановку всего исторического преподавания, как в высших учебных заведениях, так и в школах обеих ступеней, будучи положено в основу всех его программ, учебных руководств и пособий, причем им издана была для этого "Русская история в самом сжатом очерке" (первое издание 1920 г.), явившаяся популяризацией его крупных трудов (четырёхтомной "Русской истории с древнейших времен", 1909 и двухтомной "Очерка истории русской культуры"). К этой стороне деятельности Покровского относятся его публикации: "Марксизм в школе" (1923), "Марксизм в программах трудовой школы I и II ступени" (1924), "Историзм и современность в программах школы II ступени" (1927), кроме еще редактирования сборника "Общественное введение в трудовую школу".

Историческую концепцию Маркса Покровский изложил в популярной брошюре "Экономический материализм", написанной еще в начале его литературной деятельности (1906) и неоднократно издававшейся после революции. Под экономическим материализмом (экономизмом) он понимал только "объяснение всех исторических перемен влиянием материальных условий, материальных потребностей человека" в отличие от него марксизм, кроме того, и учение о классовой борьбе, как "движущей силы истории". В этой брошюре Покровский не столько философски (гносеологически) обосновал данную доктрину, сколько подтверждал ее историческими иллюстрациями, полемизируя с историческим идеализмом, хотя и не без такой оговорки: "Экономическая обусловленность всех исторических фактов никоим образом не мешает тому, что непосредственно та или другая переменная может

* О М.Н. Покровском статьи А. Шестакова, Д. Кина, П. Горина и Н. Рубинштейна в "Историке-марксисте" (1928, кн. IX). Рубинштейна еще в X—XI кн. за 1924 г. и Ц. Фридляна (Под знаменем марксизма. 1928. V) См. также: Записки об ученых трудах действительных членов А.Н. по отд. гуманитарных наук (1930), с. 97—100.

** Эта статья в двух книжках "Правды" за 1904 г. представляет собою разбор идей Риккерта.

быть результатом сознательного действия людей, т. е. вульгарно выражаясь, результатом влияния идеи", только сами то идеи все-таки суть "не что иное, как отражение экономики в человеческом мозгу". То же рассуждение применено было Покровским к вопросу о роли личности в истории, раз индивидуальные особенности исторических деятелей бывают им "безошибочно продикуваны экономикой их времени". Покровский не забыл упомянуть и о диалектизме марксизма, но не дал большого развития этой стороне учения Маркса.

Другим видным представителем экономического материализма в русской историографии был Николай Александрович Рожков*. Его имя уже приходилось упоминать выше, во-первых, как историка, примкнувшего к социологическому движению, во-вторых, по поводу его раннего взгляда на экономический материализм. Мы видели в своем месте (30), что Рожков в конце прошлого века (1898) далеко не был марксистом (31). Он тогда не усматривал в нем законченной системы, подчеркивал разногласия его сторонников, находил даже, что некоторые из них начинают высказываться против его основных положений, указывал даже на то, что исторические работы его не оправдывают, хотя и предсказывал возможность развития этой теории в будущем, возлагая особую надежду на коллективную психологию. Все эти соображения, однако, с течением времени потеряли для Рожкова силу, и он впоследствии определился как историк-марксист. Однако среди правоверных марксистов он не получил признания. С авторитетной стороны его направление было определено как марксизм вульгарный, как отход от настоящего диалектического материализма и даже названо было "рожковщиной" (Покровский).

Самым крупным трудом Рожкова была двенадцатитомная "Русская история в сравнительно-историческом освещении", первый том которой вышел в свет в 1919 г. На одной из первых же страниц первого тома этого произведения Рожков заявлял следующее: "нет изречения, которое было бы более ошибочным, чем то, которое гласит, что история не повторяется. Напротив, история постоянно повторяется не в меньшей степени, чем явления жизни в природе". Кладя в основу своего труда мысль о существовании некоторой, обязательной для всех народов, схемы развития, он, так сказать, отражал бывшее у нас очень распространенным мнение, будто бы обоснованное Марксом, что все народы идут по совершенно одинаковым путям, и что потому исторически отсталые народы могут как бы видеть собственное свое будущее, знакомясь с историей более вперед ушедших народов. Такой взгляд был, между прочим, выражен Михайловским, что, как известно, в 1877 г. вызвало письмо Маркса в редакцию "Отечественных Записок", где он протестовал против подобного понимания его учения, как "теории, которой должны фатально подчиняться все народы", так что в данном случае Рожков совершенно отступал от настоящего марксизма**.

* О Рожкове М. Н. Покровский в "Историке-марксисте" (1927, кн. III), Арк. Сидоров (там же, XIII).

** Автор рецензии на этот труд в "Под знаменем марксизма" (1925, V—VI) Рубинштейн совершенно верно отмечает изменчивость взглядов Рожкова. С точки зрения марксизма он называет отход Рожкова от экономического материализма "катастрофическим", ставя ему в упрек и то, что он "попробовал обойтись без диалектики".

Став на такую точку зрения, Рожков устанавливал девять стадий развития, которые, по его представлению, должна проходить история каждого народа: 1) первобытное общество, 2) общество дикарей, 3) дофеодалное, 4) феодальная революция, 5) феодализм, 6) дворянская революция, 7) господство дворянства, 8) буржуазная революция и 9) капитализм. Его труд должен был доказать верность этой схемы параллельным изложением исторической эволюции России и других стран. В таком представлении дела историческая наука утрачивала самодовлеющее значение и делалась только материалом для построения социологии. Произвольность как самой схемы Рожкова, так и подведения под нее отдельных фактов прямо бросалась в глаза историков и была отмечена, между прочим, товарищами Рожкова по марксизму*.

Если экономический материализм сделался социологическим канон для историков-марксистов, то это еще не значит, что все эти историки и верно его стали понимать или даже, его верно понимая, правильно его применять на деле. Сам марксист, профессор экономического материализма Н. Н. Андреев в статье своей "Методологические проблемы истории" (в "Записках научного общества марксистов") на целом ряде примеров показал существование среди историков-марксистов множества противоречий как по частным, так и по общим вопросам исторической науки. Между прочим, он отметил, как одну из причин этого "неразработанность марксистской исторической методологии", "отсутствие у большинства историков-марксистов методологической подготовки". Взять хотя бы вопрос о взаимных отношениях истории и социологии: в то время, как одни проводят резкою грань между обеими науками (напр., Бухарин), другие их отождествляют (Рожков). Этому разногласию Андреев посвятил значительную часть статьи, сопоставив взгляды таких авторитетов, как Плеханов и Бухарин, которые, различая между историей и социологией, только верно передавали мысль Маркса и Энгельса, тогда как авторы, смешивающие социологию с историей, ничем марксистски не могли бы защитить свою точку зрения. Та же проблема составила содержание книжки Андреева "К вопросу о понимании закономерности в истории" с подзаголовком "Социологический этюд" (1925). Правильно сам различая социологию и историю, он определенно признал ошибочным мнение, будто "к социологии можно прийти только через историю", потому что "историк подходит к изучаемому им материалу уже с готовыми социологическими идеями". Беда, верно еще замечает Андреев, только в том, что выработка этих взглядов приобретает не научным путем, а представляет собою осадок от разрозненных наблюдений над жизнью людей и от собственного житейского опыта". Отсюда он сделал тот вывод, что "выработка основных социологических положений должна быть делом особой, специальной научной работы", притом, по его мнению, не только на основании одного только обращения к прошлому, т. е. к истории, но и на основании изучения современности, как совокупности социальных явлений, доступных непосредственному наблюдению.

* Покровский М. Борьба классов в русской исторической литературе. Нечкина М. В. Русская история в освещении экономического материализма.

Между тем мнение, не согласное с основной идеей Андреева, мы находим даже у Покровского, который писал в "Очерках истории русской литературы": "мы не видим никакой разницы между культурной историей и социологией", ибо "и та и другая отыскивает законы развития человечества, как создателя культуры". В данном случае автор этой фразы расходился с Лениным, различавшим обе науки и проводившим аналогию между философией, имеющей дело со всей действительностью общественной*. Вообще лишь немногие высказывались за изгнание самого термина "социология" из марксистского словаря, утверждая, что экономический материализм вовсе не какая-то социология, а методология, и притом изучение не одной истории, но и всех вообще социальных наук, получающих отсюда свои руководящие принципы.

Особое развитие в марксистской литературе получила систематическая разработка теории экономического материализма, на недостаточность которой постоянно указывали ее критики и которая вместе с тем вызывалась потребностями академического ее преподавания. С начала двадцатых годов стали выходить в свет большие подробные руководства по экономическому материализму, которые все примыкали к систематизации, начатой в "Основных вопросах марксизма", на которые в этой новой литературе делались постоянные ссылки и откуда часто приводились цитаты, хотя, как целое произведение, эти книги подвергались критике со стороны и изложения и содержания слишком полемического и недостаточно систематического. Впрочем, и первый из трудов, подлежащий теперь нашему рассмотрению, тоже отличался полемическим тоном. В данном отношении составители общих курсов по экономическому материализму исполняли совет Ленина тщательно изучать философские работы Плеханова, как наилучшие во всей международной марксистской литературе.

Наиболее обширные общие труды по экономическому материализму были написаны Бухариным, Разумовским и Оранским, из которых первый играл одну из очень видных ролей в политике.

Николай Иванович Бухарин** (род. в 1888 г.), являющийся не только ученым теоретиком, но практическим политическим деятелем, получил высшее образование, главным образом, находясь в эмиграции, где, кроме слушания лекций в Венском университете по политической экономии, работал еще в различных библиотеках не только Западной Европы, но и Америки (Нью-Йорк), начав там же, за границей, свою литературную деятельность на немецком языке (в социал-демократическом органе "Neue Zeit"). Кроме политической экономии, Бухарин занимался уже тогда философией и социологией. После Октябрьской революции он возвратился в

* Плеханов различал между "арифметикой общественного развития, указывающей на причины отдельных явлений", и алгеброй "этого развития", указывающей на то, как следует открывать эти причины. Между авторами, стоящими на точке зрения социологии, отметим Е. А. Энгеля, который в своей книге "Очерки материалистической социологии" (1923) ставит знак равенства между понятиями марксизма и материалистической социологии".

По вопросу о социологии у марксистов см. еще: Жилинская А. Н. К вопросу о методологии и методике обществоведения (1928).

** Записки об ученых трудах действ. чл. АН СССР по отд. гуманитарных наук (1930), с. 11—15.

Россию и деятельно работал теоретически и практически над вопросами текущего политического момента, в то же время занявшись преподаванием в Свердловском Коммунистическом университете (в Москве) и в старом Московском. В начале 1929 г. был избран в Академию наук СССР.

Книга Бухарина "Теория исторического материализма" (1921) по его собственным словам, родилась из "дискуссий в семинарии", ведшимся им в Свердловском университете, предпринял же он составление ее потому, что "эта основа основ марксистской теории не имела систематического изложения", если не считать бывшей единственной попыткой такого изложения книжки Г. Гортера (32). Все другие работы, даже лучшие, Бухарин называет здесь только "соприкасающимися с теорией исторического материализма".

Вторым у нас систематизатором этого учения выступил И. П. Разумовский* в своем "Курсе теории исторического материализма" (1924), тоже отмечающий, что такой "несравненный теоретик", как Плеханов, "имел слишком мало времени для чисто академического изложения основ материалистической философии и социологии", придавая своим писаниям характер резкой полемики с противниками марксизма. И эта книга образовалась из записки лекций, читанных автором в Саратовском университете еще в 1922 г. Первое издание вызвало не особенно одобрительные отзывы в печати, что заставило Разумовского переработать и в этой переработке ее значительно расширить. Автор назвал уже свой труд "курсом", прямо указав в предисловии, что "ориентировался" на старших студентов, желая удовлетворить их потребности в "учебном пособии" философско-методологического характера. Курс Разумовского, как и книга Бухарина, не ограничивается одной социологией, но поднимает ряд вопросов философского и методологического характера, решая их в духе диалектического материализма (33).

Наоборот, третий систематизатор экономического материализма, профессор Политехнического института имени М. И. Калинина С. Оранский ограничил содержание своего труда одним обществоведением, в соответствии с чем назвал его "Основными вопросами марксистской социологии" (1929, т. I), равным образом отнесшись к экономическому материализму, как к "предмету преподавания в высших учебных заведениях".

Все трое они не ставили себе задачей изложение одних общепринятых взглядов, — тем более, что по многим пунктам таковых и не было, — а желали вносить в теорию экономического материализма свои поправки и дополнения. Бухарин прямо заявил в предисловии, что "всюду и везде продолжая традиции ортодоксального, материалистического и революционного понимания Маркса", он "в некоторых довольно существенных пунктах, отступает от обычной трактовки предмета", а в других "не ограничивается уже известными положениями, а развивает их дальше. Было бы странно, вполне резонно прибавляет он, если бы марксистская теория вечно топталась на одном месте". Разумовский тоже желал удержаться на "правильной и единственно ортодоксальной точке зрения", подчеркивая необходимость

* Разумовскому принадлежит ряд статей в "Под знаменем марксизма": "Понятие права у Маркса и Энгельса" (1924. II—III). "К воззрению Ленина на государство и право" (1927. I—II), "Философия и юридическая теория" (1927. XII), "Плеханов и исторический материализм" (1928, V) и др.

для каждого автора занять свою позицию в целом ряде вопросов теории в виду возникших в марксистской среде разногласий. Не иным можно назвать отношение к своей задаче и Оранского, как автора тоже собственного построения марксистской социологии. Таким образом, все три автора засвидетельствовали свою марксистскую ортодоксальность, оставив за собой свободу личного толкования. Общая черта всех трех трактатов заключается еще в том, что в них приводится более или менее богатая литература по отдельным вопросам философии и социологии, но обыкновенно игнорируется вся прежняя социологическая мысль, хотя в ней авторы могли бы найти много для себя важного по отдельным поднятым ими вопросам. Даже в своем обзоре главнейших направлений современной социологии, включенном в "Основные вопросы марксистской социологии", Оранский не упомянул ни об одном русском представителе или критике ни одного из этих направлений, как будто их вовсе и не существовало, как будто у них совершенно нечего было искать. (Из русских критиков экономического материализма едва названы один-два.) Бухарин в своей книге ни единым словом не обмолвился о каких бы то ни было взглядах русской социологии. Разумовский в "субъективизме" последней увидел только "повторение задов философской теории, ведущей свое происхождение еще от Канта", нечто аналогичное в прошлом взглядам братьев Бауеров (34), а в дальнейшем — идеям Виндельбанда (35) и Риккерта (36). Самый "субъективизм" этот истолкован был им в том смысле, как будто "субъективисты ограничивались лишь такими общественными отношениями, которые, прежде чем сложиться, проходят через сознание людей", — и игнорировали такие, которые складываются, не проходя через сознание". Оранский в разборе психологического направления социологии останавливается только на взглядах иностранных писателей, говоря же о направлениях органическом и дарвинистическом, обходит молчанием русских критиков обоих направлений.

В вопросе о социологии Бухарин, Разумовский и Оранский заняли одну и ту же позицию, взяв даже на себя защиту права социологии на существование против марксистских же отрицателей этой науки. Определяя социологию, как общее учение об обществе и законах его развития, Бухарин справедливо заметил, что значение теории исторического материализма, как метода для истории, отнюдь не уничтожает ее значения, как социологической теории, поскольку более абстрактные науки очень часто дают точки зрения наукам менее абстрактным. Аналогичную мысль высказал и Разумовский, рассматривающий данную теорию не только со стороны метода, но и со стороны того материала, к которому прилагается метод, т. е. в применении вообще к обществу и к совершающемуся в нем историческому процессу. Оранский, равным образом, подчеркнул, что экономический материализм в смысле метода не есть, конечно, методология, указывающая на технические приемы научного исследования, а является теорией, которая дает некоторые руководящие познавательные принципы путем установления общих законов, необходимых для изучения частных явлений. Как было уже обращено внимание читателя, он прямо озаглавил свой трактат "Основные вопросы марксистской социологии".

Это признание за историческим материализмом значения социологической теории выдвигался последователями своими в общий ряд социологических теорий, как одна из них, хотя бы с их точки зрения и являющаяся единственно верной. Если Разумовский в оценке развития теории, составляющей последнюю главу его книги, начинает с Маркса и Энгельса, лишь слегка коснувшись их социалистических "предтеч", то Оранский уже посвятил две первые главы своего труда обзору возникновения социологии и главнейших современных ее направлений. Родоначальником разных течений позитивистской социологии здесь назван был Огюст Конт, и все дальнейшее ее развитие обозначено было послеконттовским, поскольку все ее направления были представлены только разветвлениями движения, вышедшего из одного корня. Указывая, разумеется, на полную независимость Маркса от родоначальника старой социологии, Оранский не счел, однако, возможным отрицать известное родство между марксизмом и "конттизмом", как учениями, возникшими на общей основе.

В общем представители марксистской социологии так же, как и Аксельрод, квалифицировали немарксистскую социологию, как буржуазную, а Бухарин включил в свою книгу целый параграф, где проводится та мысль, что "пролетарская общественная наука выше буржуазной", что она и глубже, и шире, и дальновиднее. Особенно они высказались против психологизма в социологии, видя в нем как бы повторение старинной ошибки механицистов, смотревших на общество, как на простую сумму составляющих его индивидов, т. е. понимавших общество атомистически. В частности, они вооружились и против теории факторов, приурочивающей к каждой из человеческих потребностей определенный круг общественных явлений, как результат явления той или другой потребности на поведение людей. (Попутно они напали на критиков исторического материализма, увидевших в последнем не что иное, как только одну из разновидностей теории факторов, в которой только выдвигался на первый план фактор экономической.) В глазах рассматриваемых авторов коллективная психология, занимающаяся психическим воздействием между людьми, не спасает положения, причем критики отметили, что исключительно такой подход к социологии сводил бы ее целиком к этой коллективной психологии. Социология имеет дело не с индивидами, хотя бы и взаимодействующими между собой, но с группами, основы существования которых нужно искать вне психики.

С гораздо большим сочувствием эта критика представителей марксистских теорий отнеслась к органической школе, которой ею вменялось в заслугу "рассмотрение общества, как некоторого органического целого" (Разумовский), хотя данная школа и делала ошибку, поняв социальный организм по аналогии с индивидуальным, а не в качестве целого особого порядка. Результатом этой ошибки была полная бесплодность органистической теории для понимания конкретных общественных явлений, повлекшая за собою и провал теории, во всяком случае обусловившая меньший ее кредит, как кредит психологической теории. Дарвинистическое направление социологии, переносившее без всяких оговорок на человеческое общество все законы борьбы за существование, формулированные Дарвиным, также

было отвергнуто марксистскими критиками*. Экономический материализм кладет во главу угла социологии также борьбу, но не между разными животными видами и не между отдельными особями одного и того же вида (т. е. в применении к человеку не между отдельными индивидами, входящими в состав общества), а между их группами, существующими в обществе. Как ни противоположны одно другому психологическое и биологическое обоснование социологии, авторы трактатов нашли, что оба направления сходятся на положении, что свойства социального целого определяются свойствами индивидов, входящих в его состав. Для такой атомистической, по своему существу, социологии изменения в общественной структуре зависят от изменений человеческой природы, которые, в свою очередь, происходят под влиянием внешней среды, хотя никто из социологов не мог указать в среде, окружающей человека, таких сторон, изменение которых без всякого человеческого воздействия отразилось бы на общественном развитии. Социологам, пожалуй, оставалось бы только сослаться в природе лишь на одно общее явление, могущее повлечь за собою общественные изменения, именно на рост населения, но ведь и сам-то рост этот зависит от социальных же условий. Подвергая такой критике до-марксистскую социологию, некоторые экономические материалисты, из тех, собственно говоря, которые не замыкаются строго в тесном кругу марксистских идей, — обратили, однако, внимание на то, что за более близкое к нам время все больше и больше социологов иных направлений стали интересоваться изучением всяких общественных группировок, указывая на таких социологов, как Дюркгейм, Зиммель (37), Фирканд (38), Готгейн, Визе (39) в Западной Европе и Росс (40), Смолл (41), Элвид в Северной Америке, и совершенно также они могли указать в русской социологии... Хотя в большинстве случаев в работах указанных писателей преобладает эмпиризм без искания цельной обобщающей теории, тем не менее в данном движении с марксистской точки зрения нельзя было не усмотреть известного приближения к правильному пониманию строения общества и законов его развития.

Определяя общество, как "самую широкую систему взаимодействия, обнимающую все длительные процессы между людьми" (Бухарин), систематизаторы марксизма должны были согласиться с тем, что без понятия "психического взаимодействия" нельзя мыслить общество. Конечно, отвечая на вопрос, что является условием длительности этих взаимодействий и что должно быть признано основным типом общественной связи, без которой были бы невозможны все остальные, систематизаторы должны были указать на трудовую связь между людьми, на общественный труд, или на работу людей друг на друга, и тем самым определили эту трудовую связь, как основную общественную связь. Но, спрашивал, например, Бухарин, "разве трудовая связь не есть психическая, духовная связь"? Конечно, сам же отвечал он, но это — только "духовная сторона, сопровождающая материальные отношения", от которых зависит место людей в обществе. Гораздо

* По вопросу об отношении марксизма к дарвинизму вообще отдельно по-русски писал Г. Гурев (Дарвинизм и марксизм. 1924), А. Пинкевич (в "Молодой гвардии". 1924. IV), Плотников (в "Народ. унив. на Дону". 1925. 1), Е. Заводовский (Марксизм и дарвинизм). Есть также особый сборник об этом под ред. Равича-Черкасского (1923).

глубже вошел в рассмотрение вопроса Оранский, вообще более знакомый с немарксистской социологией и поэтому более подвергшийся ее влиянию. Считая невозможным отрицать ни самый факт психического взаимодействия, ни наличность множества его форм в обществе и только оговариваясь, что такое взаимодействие само предполагает существование некоторой группы совместно живущих людей, Оранский признал тем не менее, что "общество не исчерпывается одними производственными отношениями", поскольку "существует ряд действий и отношений, не сводящихся непосредственно к производству, но безусловно необходимых" для самого этого производства и что "всякое отношение между людьми, как существами, наделенными сознанием, может устанавливаться при посредстве человеческого сознания" или, что то же, психического взаимодействия. Оно не просто "сопровождает" материальные отношения, как полагает Бухарин, а только одно и делает их возможными, и если не в нем, по Оранскому, нужно искать причину объективной трудовой связи, то роль его не может быть сведена только к "промежуточному, посредствующему моменту".

Как-никак, однако, понятие психического взаимодействия оказалось допущенным в марксистскую социологию, и тем ей была поставлена новая проблема исследования взаимоотношения между физическим, или материальным и психическим в общественном производстве, поскольку психическое в обществе содержится не только в идеологической надстройке над материальным базисом, но и в самом базисе. Безусловно, марксистская социология права в том, что на одной психике, на одном сознании, а тем менее еще на идеологии нельзя построить научную теорию общества. Не подлежит сомнению, что в понятиях производительных сил общества и производственных в нем отношений социология получила совершенно новый и верный исходный пункт, поскольку ими определяется структура общества и его эволюция. В данной части теории ее излагателям более всего приходилось говорить словами самих Маркса и Энгельса, менее всего предстояло что-нибудь разъяснить или чем-нибудь существенно дополнить. Самое большее, что здесь оказалось нужным сделать от себя, это — опровергнуть случаи неверного понимания некоторыми критиками марксизма основных положений учения о производительных и производственных отношениях. Если, впрочем, Бухариным существующих дополнений к основным идеям Маркса и Энгельса сделано не было*, с другой стороны было отмечено, что понятие производственных отношений в марксистской литературе было разработано крайне недостаточно, как это случилось, впрочем, и с другими основными понятиями экономического материализма (Оранский).

Гораздо большей разработке у систематизаторов марксистской социологии подверглось учение об экономической структуре общества, как его материальном базисе, и о надстройках над ним, какими в теории экономического материализма являются другие стороны общественной жизни. Эта часть теории, т. е. выведение всей социальной (в более тесном смысле слова)

* Кроме разве "забытого всеми положения Маркса о способе представления" и "материализации" духовной культуры в книгах, библиотеках и т. п.

и духовной культуры из указанного экономического базиса, в котором преобладающее значение принадлежит культуре материальной, или технике, была, с одной стороны, наименее разработана самими основоположниками экономического материализма, а с другой — наиболее вызывала против себя возражения у его критиков. Последние даже самую сущность экономического материализма видели не в учении о производительных силах и производственных отношениях и о борьбе классов, как движущей силе истории, а именно в данном объяснении всей культуры из одной, коротко говоря, экономики. Весьма естественно поэтому, что составителям курса экономического материализма предстала здесь задача более самостоятельного отношения к вопросу. Бухарин отвел ему очень много места в своем курсе, различив в обществе двоякого рода надстройки: социально-политический строй и духовную культуру. Первый из них является у него непосредственным следствием экономического строения общества с подразделением его элементов на зависящие или от одной техники или от техники и экономики. С духовной культурой дело оказалось намного сложнее, и здесь оно не обошлось без натяжек, главное же, без оговорок о зависимости всяких идеологий от экономики только "в конечном счете", "в последнем счете", "не прямо и непосредственно" и т. п., равно как без частой подмены понятия экономической основы понятиями "всей совокупности общественной жизни", "общественной среды". Бухарин признает возможность того, что элементы духовной культуры "перестают непосредственно соприкасаться с материально-производственной жизнью". Что касается до натяжек, то примером может служить включение языка в число идеологических надстроек с исключительным выведением его "из тех трудовых криков, которые вырывались при работе". Согласно с Бухариным и Разумовский установил различие между "идеологическими формами, которые стоят ближе всего к экономической основе", и такими, которые отстоят от нее далеко, "через целый ряд промежуточных звеньев", когда отражение в мысли существующих производственных отношений и классовых антагонизмов происходит не прямо, а косвенно". Рядом с "отдаленностью религии от непосредственного процесса общественного производства" Разумовский отметил еще частичную "унаследованность ее мыслительного материала еще от доисторической эпохи" и этим как бы приписал ей, так сказать, внеэкономическое происхождение, к чему, собственно говоря, приводит ссылка на слова Энгельса: "религия возникает из самых темных представлений людей о своей собственной и о внешней природе". Считая особенно важным показать, какую роль в развитии религиозной идеологии, зародившейся во вне, играет экономическая основа (техника труда, его организация и классовые интересы), Разумовский не упустил отметить воздействие ее не только на такие надстройки, как политика, право и нравственность, но и на хозяйственный строй, на классовое деление общества. Этот взгляд он распространил и на философию, связь которой с экономикой, по его выражению, "осуществляется обычно через ряд промежуточных звеньев", посредством которых "отражает на себе воздействие экономических отношений и воздействует сама на общественную жизнь". Было бы, нашел он нужным прибавить,

явной вульгаризацией марксизма "объяснять происхождение данной философии непосредственно из материальных условий производства", тем более, что в философии "зачастую находится и кое-какой доисторический мыслительный аппарат". Разумовский высказался и против утрирования классово-вой борьбы в философии. Однако, говоря о науках, он сам преувеличил их зависимость от материальных условий и потребностей и от классовых интересов. Наконец, у Разумовского и искусство представлено, как надстройка, находящаяся под влиянием экономики не непосредственно, а только косвенным образом. Направляя свою аргументацию в сторону тезиса о зависимости искусства все-таки от экономики, он не сделал никакого вывода из указания на то, что "чувство красоты и ритма не чуждое и животным, возникло у человека уже под влиянием развития его, как биологического вида и связанного с инстинктом размножения полового отбора". В общем итоге рассуждений автора "Курса теории исторического материализма" на тему об идеологических надстройках над экономическим базисом на первый план выдвинуто было влияние последнего на первый, меньше уделено внимания случаям обратного воздействия надстроек на базис и совсем затушено вне экономическое, вне производственное возникновение духовной культуры из таких психических фактов, как "представления людей о своей собственной и о внешней природе" и "чувство красоты и ритма", какую бы печать потом ни налагал социально-экономический строй на религию, философию, науку и искусство, давая им ту или другую окраску. Но особенно важно отметить, что Разумовский включил в состав экономического базиса и сознание, интеллектуальную затрату.

Оранский в первом томе своего труда не подверг рассмотрению вопрос о базисе и надстройках, но особенно выдвинул вперед ту идею, что в основе общественного бытия лежит производство, которым у марксистов исчерпывается отношение человека к природе, как будто нет между ними обоими и иного отношения, породившего также идеологические явления, как мифология, поэзия, религия, искусство, философия, наука, поскольку последняя заключает в себе не один только... Общий вывод систематизаторами марксистской социологии о базисе и надстройке можно сделать такой: сравнительно со своей первоначальной постановкой вопрос не подвинулся по существу своему вперед, и данная теорема продолжает ждать более убедительных доказательств или подлежит дальнейшему развитию уже высказанных раньше ограничений.

До некоторой степени социологическая точка зрения в изучении литературы была положена в основу теоретической части моей книги "Литературная эволюция на Западе" (1886), где, между прочим, на первый план был выдвинут вопрос о "социальном классе или сословии, наиболее заявляющем о себе в литературном творчестве, и о идеях, интересах и традициях этого класса", и было обращено особое внимание на "переходы литературной деятельности из одного класса общества в другой" в зависимости от политических, юридических и экономических условий, в какие была поставлена писательская профессия. Книга эта появилась в такое время, когда теоретизирование в области литературы было у нас не в моде (господствовал историзм)

и чисто литературным традициям придавалось гораздо большее значение, чем социальным условиям творчества (школа Александра Н. Веселовского) (42).

Здесь уместно упомянуть, что в марксистской литературе образовалось и получило значительное развитие целое особое направление социологического искусства и литературоведения в духе экономического материализма, хотя первая мысль о применении социологической точки зрения возникла еще в конце XIX века в книге Гюо (43) "L'art au point de vue sociologique" (1891).

Некоторые общие данные об этой отрасли марксистского изучения духовной культуры даются в конце главы.

Неизмеримо более основательную разработку в общих курсах экономического материализма получило учение об общественных классах, притом взятых не только с экономической, социальной и политической точек зрения, но и со стороны психологии и идеологии классов, т.е. той идеологии, которая имеет своим предметом социально-политические отношения, а не отвлеченные вопросы мироздания и человеческого самопознания. Следуя за Лениным, Разумовский, вообще сильно пользовавшийся его идеями, в теории классовой борьбы увидел самую сущность марксистской социологии, особенно развивая мысль о надстроечном характере государства и права, а в более отдаленном, более абстрактном выражении — и о нравственности. Серьезнее других отнесся к учению о классовом составе общества Оранский, между прочим, отметивший, до какой степени оказались различными в марксистской литературе суждения о классах, самые определения этого учения. Основным признаком классов является у него различное отношение к средствам производства, распределением которых обусловлено и распределение между классами как продукта, так и общественных функций. С этой точки зрения Оранский подверг критике постановку проблемы классов у социологов немарксистов и с исчерпывающей полнотой развил тезис Маркса о классовой борьбе, как движущей силе исторического процесса. От себя он дополнил это учение установкой понятий как внутриклассовых, так и междуклассовых групп, чем сильно, опираясь на существующую литературу, подвинул вперед анализ общественной структуры. Наиболее важными его оговорками явились тезисы о том, что "воля отдельного человека не абсолютно детерминирована его классовым положением", и что "одним фактом общения или материальной зависимости от какого-либо класса нельзя объяснить позицию целой группы", какова профессиональная группа интеллигенции. Нельзя не видеть в обоих этих положениях некоторого шага вперед в развитии марксистской социологии по вопросам о взаимных отношениях между обществом и личностью и зависимости идеологии от классовых интересов.

С самого же начала теория экономического материализма отнеслась отрицательно к роли личности в истории. Среди систематизаторов марксистской социологии по этому вопросу Бухарин высказался в более положительном смысле: раз общество состоит из личностей, то его действия входят

как составная часть в общественное явление, и отдельный человек вовсе не нуль, а некоторая сила, но, с другой стороны, мотивы деятельности людей и пределы осуществимости их целей определяются общественными условиями. "Сама отдельная личность, это точно сгусток сжатых общественных влияний, завязанных в маленький узел". Роль личности может быть и довольно велика в силу особого места, ею занимаемого, и особой выполняемой ею работы, т.е. силу и значение отдельных людей создает та особая связь, та организация, среди которой они работают. Не отрицая значения выдающихся личных способностей, Бухарин все-таки поставил на первое место положение индивида в общественной организации, как члена составной части группы, класса, общества, как бы игнорируя значение личной инициативы, т.е. внутреннего психического акта. Общий вывод получился такой: развитие личности можно вывести из условий общественного характера, но отнюдь нельзя из развития личности выводить развитие общества. Личность — орган общественности, личность — нечто пассивное. Разумовский по этому вопросу больше пользовался формулировками Маркса и Энгельса, Плеханова и Ленина, чем высказывал собственные соображения, приводя такие изречения, "что люди сами делают свою историю", что если "люди представляют собой продукт обстоятельств, то и обстоятельства изменяются именно людьми", что "в отличие от развития природы, где действуют одна на другую лишь слепые бессознательные силы, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые убеждением или страстью, ставящие себе определенную цель", что "индивидуальные воли не нули, но каждая вносит свою долю в общий результат" и т.п., все, одним словом, такие мысли, которые высказывались и "субъективной социологией". Гораздо подробнее, однако, весь вопрос о роли выдающихся личностей (великих людей, героев, вождей, инициаторов) разрабатывался в специально посвященных вопросу статьях.

Брошюра Ф. В. Сулковского "Личность в историческом процессе" (1924) исходила из идей Маркса и Энгельса, благоприятных для признания роли личности в истории. У первого автор взял то соображение, что если "люди представляют собою продукт обстоятельств и воспитания" то все-таки не следует забывать, что "обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан". С другой стороны, он ссылаясь на Энгельса, признававшего, что в "истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые убеждением или страстью, ставящие себе определенные цели", и что "здесь ничто не делается без сознанного намерения и желанной цели". Но не более этого утверждали русские социологи, которых первые марксистские критики упрекали за преувеличенное представление о роли личности в истории, в частности в приведенном автором соображении Маркса содержится та мысль, которую проводил Лавров, говоря о взаимодействии личности и культуры, и которая была положена пишущим эти строки в основу книги "Сущность исторического процесса" (44). Совершенно в том же смысле, в каком в только что названной книге говорится о роли личности в истории, Сулковский написал следующие слова: "Исторический процесс складывается из суммы множе-

* Дословно: Искусство с точки зрения социологии (прим. — В.З.).

ства человеческих волей, причем каждая из этих волей целиком сохраняет и проявляет свою индивидуальность. Таланты и гении в соответствующих условиях, при благоприятной обстановке, играют несравненно более крупную роль, чем участники рядовой человеческой массы. Но и последние ни в коем случае не могут быть отнесены к числу бессловесных созданий, являющихся только объектами исторического процесса". Поэтому, заключал автор, "марксизм не только не умаляет роли крупной личности, но и признает за каждым рядовым человеком долю влияния на исторический процесс". Наилучшим способом разобрать вопрос о роли личности в истории Сулковский признал обращение к конкретным историческим примерам, остановившись сам на Ленине и его "определяющей роли" в истории нашей революции, на его "чрезвычайном, большом, подчас решающем влиянии на ход ее событий", и коснувшись также Наполеона. "Великий человек — не пассивная, а активная сила в историческом процессе". Это уже иное истолкование марксизма, нежели то, с которым за тридцать лет до брошюры Сулковского выступил Струве.

После этого несколько затянувшегося отступления от рассмотрения книг Бухарина, Разумовского, и Оранского возвращаемся к ним, чтобы остановиться еще на том, как отнеслись эти писатели к вопросу о диалектике в смысле не научно-философского метода, а закона всякого объективного бытия, всякого развития в природе и в обществе. В их трактатах мы не находим рассуждений логического и методологического характера в направлении идей Милля, Бэна (45), Зигварта (46) о познавательном значении опыта, наблюдения и рассуждения, индукции и дедукции сравнительного метода*, но о диалектическом методе ими было сказано достаточно, причем этот способ мышления признан был ими важным в том отношении, что им ухватывается и диалектика самой действительности. Как в природе, так и в истории общества все движется противоречиями между обществом (системой) и природой (его средой), противоречиями внутри самого общества, т. е. между классами и группами, между производством и распределением, между идеалами и т. п. Это движение осуществляется скачками (т. е. в обществе революциями) хотя бы эти скачки и подготавливались постепенным развитием. Бухарин с другими марксистами высказал мысль, что представление о постепенном развитии (эволюции) было порождено консерватизмом буржуазных ученых, что отрицание ими противоречивого характера развития покоится на их боязни революции, на затушевании ими, из страха перед революцией, всех общественных противоречий, хотя на той же точке зрения стояли и некоторые социологи из революционеров. Разумовский поставил в особую заслугу Марксу, что он разрешил не раздельно, а одновременно онтологический и гносеологический вопросы, не отмахнувшись от первого вопроса, как-то (будто бы) "делают буржуазные гносеологи". Отводя вопросу о диалектике очень много места, Разумовский, однако, не остановился на применении этого понятия к изучению исторического движения, которое и было бы, собственно говоря, социологическим приложением общего учения к обществу. Значительно ближе к делу немногие страницы

* Кое-что, впрочем, есть у Разумовского.

о диалектике у Оранского, у которого, кстати сказать, уже имеются ссылки на "Диалектику природы" Энгельса (вышедшую в свет в 1925 г.). Обращает здесь внимание противопоставление Маркса Конту. Основатель позитивизма учил, что "каждая последующая в его классификации наук область имеет свои особые, специфические законы, не выводимые из законов предыдущих наук", тогда как в диалектическом материализме "частные законы отдельных областей природы не представляют собой каких-то особых законов, а суть лишь особые проявления общих законов, обнаруживающихся в каждом соединении материи в особой специфической форме". При этом Оранский привел еще мнение Энгельса о том, что при последовательном своем применении сама эта теория превращается "в историю, на каждой ступени которой господствуют другие законы, т. е. другие формы проявления одного и того же универсального движения". Конт полагал, что на общественные явления влияют законы физики, химии, биологии и т. д. и, кроме того, к ним прибавляются особые законы социологии, но сторонники марксизма стали на ту точку зрения, что у социологии есть свои автономные законы, имеющие характер своеобразного применения в общественной жизни общих законов бытия. Социология не может быть сведена к естествознанию, ее законы не могут быть выведены из законов других наук. Нельзя не взглянуть на это, как на важную поправку к социологии Конта. Нельзя, однако, не признать, что право перенесения понятия "диалектика" и диалектического понимания из сферы мышления в сферу бытия остается по-прежнему недоказанным.

Если диалектика есть только синоним постоянного движения вперед, вечного изменения, то правы экономические материалисты, ставя Марксу в заслугу историчность его теории, хотя эта историчность, конечно, отнюдь не является специальною особенностью. Другим научным качеством теории выставляется ее объективизм, отсутствие в ней какого бы то ни было теологизма, хотя последнему противоречит положение, напр. Разумовского о том, что в диалектическом материализме "методология содержит не только предпосылки нашего действия", или что "задача познания общественного целого выдвигается перед нами лишь вместе с задачей его преобразования". Не будем забывать, что экономический материализм объявляется классовой теорией*. Главное же то, что у марксизма есть свой общественный идеал, а что же было исходным пунктом этико-социологического субъективизма, как тоже не некоторый общественный идеал?

Вчитываясь в эту литературу, критик не может не отмечать по временам некоторые отступления от учения о чисто материально экономической основе общества. "Всякий общественный строй, — говорит Бухарин, — покоится не только на экономическом основании, ибо и любая идеология, господствующая при данном порядке вещей, является скрепой, держащей этот порядок", откуда понятными делаются и такие его заявления, как то, что "предпосылкой революции является революционизирование сознания, идеологическая революция", или то, что нужна "целая психологическая или

* "Социологии, как действительной науки об общественной жизни и законах ее развития, буржуазия создать не может" (Разумовский).

идеологическая революция, чтобы класс действительно стал против класса". Эти слова не могут не обратить внимание критики, раз их автор изгонял всякую психичность из "трудовой координации людей (рассматриваемых как "живые машины") в пространстве и во времени", приводя это, как аргумент против возражения, что самое понятие отношения между людьми предполагает их психическое взаимодействие. В смысле отклонения от основного тезиса экономического материалиста критика не может не рассматривать и положение Разумовского: "сознание общественного человека входит в экономический базис и вовсе не является надстройкой".

Бухарин неоднократно пользуется понятием психического взаимодействия, происходящего между отдельными членами общества, только подчиняя это взаимодействие трудовым между ними связям, составляющим "тело" общества, без которого не может существовать и "дух". Тем не менее, и он в одном месте говорит о языке, науке, искусстве, религии, философии и о таких более мелких явлениях вроде моды, обычаев, правил приличия, как "результате взаимодействия между людьми, их непрерывного общения друг с другом", а не исключительно одной трудовой связи, и к этим же всем элементам культуры прибавляет также "политическое устройство". Бухарин вводит в свою теорию понятие "общественной психологии", в смысле "области несистематизированных или мало систематизированных чувств, мыслей и настроений, имеющих в данном обществе, классе, группе, профессии и т. д.", и лишь степенью большей систематизированности отличает от общественной психологии "общественную идеологию", под понятие которой подводит содержание науки, искусства, морали и пр., словом, всю духовную культуру. В этой общественной психологии он различает "общие психологические черты, которые могут быть у всех классов общества", и "психологию господствующего класса", дающую тон всей общественной жизни и подчиняющей своему влиянию другие классы, вследствие чего, оговаривается совершенно правильно Бухарин, в классовом обществе и не может быть "сплошной, единой, целостной общественной психологии". Но и психологию класса он, с другой стороны, не сводит, как это делается другими, к его интересу, так как последним далеко не исчерпывается классовая психология, вообще отличающаяся сложностью. Самое свое различие между психологией и идеологией он объявил только, как нечто условное: "общественная психология есть некий резервуар для идеологии", "идеологии, это — сгустки общественной психологии". Всякая идеология есть, по его определению, продукт умственного труда, который, не будучи материальным производством, не является даже его частью. Мало того, Бухарин допускает среди идеологов существование людей, любящих свое дело, как самих себя, и не думающих ни о какой практической стороне дела", т.е. не служащих какому-либо классовому интересу. Наконец, Бухарин признает и обратное действие идеологической надстройки на экономический базис, ибо в обществе происходит постоянный процесс взаимодействия.

В этом ряде мыслей нельзя не видеть того своего, что внес Бухарин в теорию экономического материализма. В данном вопросе Разумовский

менее отступал от сделавшейся обычной трактовки предмета. Оранский тоже ограничился в данном вопросе очень немногим. Он высказался, например, против попользования "критических", как он их назвал, марксистов дополнить экономический фактор идеологическим, т. е. в конце концов психическим и против сведения социологии к коллективной психологии, устраняющей самобытность экономического фактора, правильно отметив, что "в социологию все более начинает проникать убеждение о невозможности вывести социальные явления из законов индивидуальной психологии и даже из общих законов психического взаимодействия". Однако, к коллективной психологии, изучающей это взаимодействие, он отнесся, как к положительному научному явлению и только нашел нужным отмежевать от нее социологию. По его мнению, социология должна "ограничиваться лишь констатированием наличности" известных переживаний вроде классового инстинкта, да выяснением их социальных корней, "вопрос же о тех психических элементах, из которых слагаются эти переживания, лежит за пределами социологии и может составить предмет одного из разветвлений психологии". Оранский, как и Разумовский, не пошел за Бухариным в вопросе о существовании некоторой, общей всем классам, психологии и о людях умственного труда, мысли которых не диктуются их классовыми интересами, хотя им и были приведены слова Маркса и Энгельса о людях, "возвысившихся до теоретического понимания всего хода исторического движения" и Каутского о "профессиональных интеллигентах, по самой своей специальности могущих скорее, чем другие люди, переходить на сторону определенных партий под влиянием чисто теоретических соображений".

Особую категорию имеющих отношение к социологии работ в этом периоде стали составлять произведения по так называемой социологии искусства, начало которой положил Гюйо своей книгой "L'art au point de vue sociologique", немедленно переведенной на русский язык (1891). Не отнестись к искусству, — включая в его область и литературу, как искусство слова, — с социологической точки зрения менее всего могли теоретики, ставшие на марксистскую точку зрения, с которой искусство и литература входят в состав идеологической надстройки над экономическим базисом и отражают на себе идеи, чувства, вкусы, стремления, равно как и быт различных классов общества, — вполне законная точка, не исчерпывающая, однако, всех сторон художественного творчества во всех его видах. Последнее обстоятельство и вызвало — в литературоведении преимущественно — оппозицию так называемых формалистов, интересующихся не только содержанием, но и формой.

Заключение (47)

Признавая, что инициатором социологии, как общей науки о естественных законах человеческой общественной жизни, был Огюст Конт, нельзя, конечно, говорить о существовании где бы то ни было этой науки до усвоения там основной идеи новой науки, провозглашенной в "Курсе

социология академическая разделяла одну ее черту; этой общей чертой сделался ее психологизм.

Во всяком случае лишь меньшинство, притом сравнительно небольшое, представителей общественных наук положительно и сочувственно отнеслось к социологии. Дело не обходилось и без оппозиции ей и не только в более консервативных кругах, что вполне понятно, но и в кругах прогрессивных. На рубеже двух веков против позитивной социологии среди профессоров-юристов возникла идеалистическая реакция под знаменем неокантианства, выразившаяся, главным образом, в учении о необходимости возрождения "естественного права", в котором последнее нашло отражение, впрочем, не в старом метафизическом смысле, а в смысле подлежащего осуществлению идеала. Сторонники этого учения понимали происхождение и развитие права совершенно так же, как юристы-социологи, но находили их объективизм недостаточным, требуя дополнения такой точки зрения представлением и о том, каким должно быть право. В сущности, у этой группы юристов проявились те же побуждения, которые породили субъективизм этико-социологической школы. Данное направление русской философской юриспруденции подобно другим направлениям нашей социологической мысли также насквозь прониклось психологизмом, и один из представителей этой группы начал понимать право, как явление чисто психологическое, не подлежащее ведению социологии.

Почти везде, а не в одной только России современная социология получила психологическую ориентацию, по каким бы не вполне сходным между собою путям не шло детальное развитие индивидуальных теорий. К концу прошлого века на Западе и у нас все более стала заявлять о себе другая социология, так, правда, себя не называвшая, но тем не менее бывшая социологией, теорией строения и развития общества, инициатором которой был Карл Маркс и нужно сказать, что до конца XIX в. Маркса знали у нас, как первоклассного экономиста, автора "Капитала" и как крупного политического деятеля, создателя Международного Общества рабочих, но не знали как философа и социолога, творца теории экономического материализма. Как теоретик-экономист, он пользовался большим почетом у русских социологов-социалистов, и его трудовая теория оказала большое влияние на нескольких наших профессоров политической экономии, но его экономический материализм долго не выдвигался вперед в общем сознании, как особая самостоятельная социологическая доктрина. Проповедь ее у нас началась только в середине последнего десятилетия прошлого века, через четверть века после того, как у нас сделалось популярным имя Конта. В указанные годы в России образовалось сразу два марксизма: легальный, представителями которого были некоторые публицисты и ученые, и революционный, вожди которого находились в эмиграции. Легальные марксисты не долго держались экономического материализма, довольно рано испытав на себе влияние идеалистической реакции, вторые дождались революции, чтобы вернуться в Россию для проведения на практике своей теории.

И те и другие выступили одинаково резкими антагонистами этико-социологического направления русской социологии еще при жизни ее главных

представителей и, в свою очередь, были встречены с их стороны полемикой. Известно, что чисто теоретический спор имел и политическую подкладку. Крестьянскому социализму семидесятых годов приходил теперь [на смену] социализм пролетарский. Интегральную часть этого последнего составлял экономический материализм, который и был теперь противопоставлен этико-социологическому направлению, хотя между ними и крестьянским социализмом так называемых народников и не было такой неразрывной связи, какая существовала с самого начала между пролетарским социализмом и учением экономического материализма. Полемика с обеих сторон приняла страстный характер, и голос немногих, указывавших на возможность и необходимость диалектического примирения психологизма и экономизма, как тезиса и антитезиса, в высшем синтезе, остался гласом вопиющего в пустыне.

Полемика (51) представителей двух разных социологий сводилась к следующему. Марксисты, во-первых, нападали на субъективизм своих противников, противопоставляя ему свой научный объективизм, зная только то, что дает действительность; во-вторых, объявляли идеализмом их психологизм, указывая на то, что в основе общества лежит реальнейшая материалистическая, экономическая связь; в-третьих, отрицали роль личности в истории в их понимании, выдвигая вперед именно закономерности общественной эволюции. С своей стороны оппоненты экономических материалистов указывали на недостаточную, по их мнению, обоснованность и разработанность нового учения, и, в частности, указывали на такие вещи как то, что в основе самих экономических отношений лежит психическое взаимодействие, что некоторые надстройки над экономическим базисом имеют иное фактическое происхождение и что, наконец, существующие в обществе антагонизмы возникают не из одной борьбы классов. В этом споре с обеих сторон более стремились к углублению пунктов разногласия, нежели к тому, чтобы разрешить диалектически эти идейные противоречия.

Как у прежней социологии были свои журнальные органы, так возникли свои и для социологии марксистской, параллельно с чем и социалисты разделились на социалистов-революционеров (с маленьким ответвлением народных социалистов) и социал-демократов. Так произошел раскол русской интеллигенции, и параллельно печатались книги и статьи двух разных социологий, из которых одна не выработала какой-либо общей доктрины, а другая, наоборот, стремилась все к большему и большему объединению на верность определенным основным положениям. Октябрьская революция, совершившаяся под знаменем марксизма, создала в высшей степени благоприятные условия для разработки и для распространения, путем печати и путем школьного преподавания, марксистской социологии. Когда почти за четверть века перед этим оппоненты указывали на недостаточную обоснованность главных положений доктрины и на неразработанность ее, как системы, они имели в виду тогдашнее положение предмета в марксистской литературе. Это положение изменилось и количественно и качественно.

Литература экономического материализма выросла до громадных размеров, и в ней было обращено большее, чем прежде внимание на научно-философское обоснование исходных тезисов доктрины, на большую ее систематизацию, на заполнение ее пробелов, рядом с чем, вместо преобладания полемического тона стало замечаться стремление к более спокойному обсуждению отдельных проблем, что содействовало ослаблению привычки как можно больше заострять разномыслие с прежней социологией, с другой стороны, больше принимать в расчет замечания критиков. Правда, во всех этих отношениях сделаны только первые шаги, но если дело пойдет так и дальше, можно ожидать наступление времени, когда взаимное сближение обоих направлений приведет к синтезу психологизма (тезиса) с экономизмом (антитезисом).

КОММЕНТАРИИ

156

1. Об этико-социологическом направлении в русской общественной мысли Н. И. Кареев писал на предшествующих страницах своей рукописи.

2. В 1929 г. были проведены выборы в члены-корреспонденты и действительные члены Академии наук. Наряду с учеными, имевшими большой научный и нравственный авторитет, были избраны в Академию люди, не получившие признания научной общественности (В. М. Фриче, Г. М. Кржижановский и др.).

3. Аксельрод (псевдоним — Ортодокс) Любовь Исааковна (1868—1946), философ и литературовед. С 80-х гг. участвовала в революционном движении. С 1887 г. — в эмиграции. Во время первой мировой войны занимала оборонческие позиции. После 1917 г. преподавала в новообразованных высших учебных заведениях: Институте красной профессуры, Институте научной философии РАНИОН и др.

Спротивлялась (как могла) разнуданной борьбе, направляемой ЦК партии в 20—30-е годы на подавление научной философии. Подвергалась жестокой критике в журнале "Под знаменем марксизма" (1928. № 1) и в решении ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. В последние годы занималась социологией искусства.

4. Деборин (Иоффе) Абрам Моисеевич (1881—1963), советский философ, академик (1929). Окончил философский факультет Бернского университета (1908). С 1920 г. занимался научно-редакторской и педагогической деятельностью. В 1926—1930 гг. — ответственный редактор журнала "Под знаменем марксизма". С 1935 г. работал в АН СССР. Основная проблематика его работы — история философии и философия марксизма.

5. Карев Николай Афанасьевич, советский философ конца 20 — начала 30-х годов XX в. Занимал активную позицию на так называемом "философском фронте". Автор труда "За материалистическую диалектику: Сборник статей". М.; Л., 1929.

6. Луппол Иван Капитонович (1896—1943), советский философ, академик (1930). Окончил юридический факультет Московского университета (1919), в котором был профессором (1925—1931). В 1931—1940 гг. — директор Института мировой литературы им. А. М. Горького.

Луппол активно участвовал в философских дискуссиях 20 — начала 30-х гг., выступал против "упразднения" философии. В годы беззакония и произвола был репрессирован. Реабилитирован посмертно. Круг научных исследований Луппола — история филосо-

фии и эстетики. Автор книг: Дени Дидро. Очерки жизни и мировоззрения (М., 1924; 2-е изд., М., 1960); Историко-философские этюды (М., 1935); Литературные этюды (М., 1940) и др.

7. Житловский Хаим Г., родился в 1863 г. в Витебске; публицист, теоретик-сионист партии "Возрождение". После 1917 г. в эмиграции, где и скончался.

8. Херсонский Николай Хрисанфович, сотрудник журнала "Научное обозрение" с 1892 г.

9. Гредескул Николай Андреевич (1864 — год смерти не установлен), юрист, профессор Харьковского университета, затем С.-Петербургского политехнического института им. Петра Великого. Член ЦК конституционно-демократической партии. Депутат I Государственной думы, второй товарищ С. А. Муромцева — председателя Государственной думы. В 1916 г. вышел из партии кадетов. После 1917 г. преподавал в ряде вузов Петрограда. Им написано несколько трудов. Назовем из них созданного: 1) К учению об осуществлении права (1900); 2) Марксизм и идеализм (1905); 3) Современные вопросы права (1906); 4) Право и экономика; 5) Россия прежде и теперь (1926) и др. Н.И. Кареев упомянул, но не назвал статью Гредескула. Я ее разыскал. Вот ее название: "Понятие эволюции (Эволюция механическая, творческая, диалектическая)" // Под знаменем марксизма. 1927. VII—VIII. 192—216.

10. Уорд (Ward) Лестер (1841—1913), американский социолог, геолог, палеонтолог, один из основателей палеоботаники. С 80-х годов XIX в. занялся социологией, профессор социологии в университете Брауна (1906—1913), первый президент Американского социологического общества (1906—1908), автор знаменитой работы "Динамическая социология" (Dyname sociology. Vol. 1—2. New York, 1924), которая была запрещена в России. О нелепостях этого запрета с грустной иронией рассказывал в своих воспоминаниях Н. И. Кареев (см.: Пржитое и пережитое. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 1990. Глава X).

11. Гольцев Виктор Александрович (1850—1906), видный публицист и юрист.

Окончил Московский университет. Был выслан за границу (Париж). Здесь он написал в 1875 г. открытое письмо П. Л. Лаврову за подписью "Русский конституционалист". Название письма (и особенно подписной псевдоним) с предельной четкостью выражают общественно-политические взгляды автора. Это была первая ласточка оформлявшегося русского конституционализма; в результате путь на профессорскую кафедру для В. А. Гольцева был закрыт, хотя он написал исследование "Государственное хозяйство во Франции XVIII века" (М., 1878. 170 с.), получившее одобрение самого П. Л. Лаврова (адресата открытого письма В. А. Гольцева. См.: Дело. 1879. С.IV. 1—39.), но не профессоров Московского университета. Но талантливый Гольцев нашел себе поприще — много лет он редактировал журнал "Русская Мысль".

12. Лабриола (Labriola) Антонио (1843—1904), итальянский философ, публицист, теоретик и пропагандист марксизма, деятель социалистического движения. С 1871 г. — приват-доцент Неаполитанского университета, а с 1874 г. — профессор по истории философии Римского университета. В данном случае Кареев указывает на тот анализ, которому Г. В. Плеханов подверг взгляды А. Лабриолы на исторический материализм. (См.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 томах. М., 1956—1958. Т.2. С.242—255 и др.).

13. Лакомб (Lakombe) Поль (1833—1919), французский историк и социолог. Занимал должность генерального инспектора библиотек и архивов Франции, состоял членом Французского социологического общества. В своих сочинениях развивал идеи психологического направления в социологии (последователь Тарда), признавая большую роль в истории "выдающейся личности" (не обошлось без влияния Т.Карлейля). На русский язык переведены некоторые труды Лакомба. Укажем, в частности: Лакомб П. Социологические основы истории (СПб., 1985), разбо ру которых посвящена упомянутая статья Г. В. Плеханова. (См.: Избр. философск. соч. Т.2. 1956. С.225—235). Об этом же труде Лакомба писал и Н. И. Ка-

реев. (См.: Кареев Н. И. Новый труд по теории истории // Историческое обозрение. Т. 8. СПб., 1895. С. 50—86).

14. "Субъективная социология" — более короткое название "субъективной школы в русской социологии" (особое направление в социологии), до самого последнего времени незаслуженно ругаемой. Её основателями следует считать П. Л. Лаврова, Н. И. Кареева, Н. К. Михайловского и др. В то же время на Западе её изучали и пропагандировали (см., в частности: Hecker J. Russian Sociology. New York, 1915).

15. Масарик (Masaryk) Томаш Гарриг (1850—1937), чешский философ и социолог, политик и государственный деятель, первый президент Чехословацкой республики, предоставивший приют многим деятелям российской культуры, высланным в 1922 г. большевистским режимом. Масарик получил превосходное образование в Венском и Лейпцигском университетах. С 1876 г. — доктор философии, в 1878 г. получил звание профессора Пражского университета. В 1889 г. Масарик вместе с Крамаржем и др. основал либеральную политическую группу "Реалистов", затем организовал Чешскую народную партию, был её лидером и идеологом. Масарик находился в дружбе с Н. И. Кареевым. Не один раз посещал Россию. Масарик оставил большое научное наследие. Добавим, что политическая роль и научное наследие Масарика в историко-научном аспекте ещё не получили объективной оценки.

16. Фриче Владимир Михайлович (1870—1929), советский литературовед и искусствовед, профессор Московского университета (1920), академик (1929). В 1894 г. окончил Московский университет, участвовал в социал-демократическом движении, член РСДРП(б) с 1917 г. После октябрьского переворота руководил Институтом литературы и языка при РАНИОНе, литературным отделением Института красной профессуры.

17. Кривенко Сергей Николаевич (1847—1906), русский публицист и общественный деятель народнического направления. С 1868 г. сотрудничал в различных изданиях ("Отечественные записки", "Русское богатство" и

др.). Автор трудов: Культурные одиночки в деревне ("Русск. богатство". 1893. V—VI); К вопросу о нуждах народной промышленности (Там же. 1894. VII, IX—X) и др.

18. Южаков Сергей Николаевич (1849—1910), русский публицист и экономист, либеральный народник. Автор "Социологических этюдов" (Вып. 1. 1891; Вып. 2. 1896), а также работ о крестьянском хозяйстве. В 1900—1919 гг. под редакцией С. Н. Южакова вышла 22-томная "Большая энциклопедия". По своим историософским взглядам может быть причислен к "субъективной школе русской социологии".

19. Юшкевич Павел Соломонович (1873—1945), русский философ. Участник социал-демократического движения. В начале XX в. выступил за пересмотр марксистской философии. В 1919 г. отошел от политической деятельности и работал в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Автор книг: Материализм и критический реализм (СПб., 1908); Мирозрение и мировоззрение (СПб., 1912) и др.

20. Берман Яков Александрович (1868—1933), русский юрист, политический деятель. Окончил Московский университет (1890). Участвовал в студенческом движении Москвы. Во время революции 1905—1907 гг. примыкал к большевикам, затем свои интересы сосредоточил на изучении философии. Свою статью "О диалектике" опубликовал в нашумевшем сборнике "Очерки по философии марксизма" (1908). После 1917 г. работал преподавателем Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, а с 1922 г. состоял профессором МГУ (вёл курс теории государства и права). Кроме названного, написал: Марксизм и махизм // Образование. 1906. XIa; 2 Социал-демократическая философия // Вестник жизни. 1907. № 1; Сущность прагматизма // Новые течения в науке о мышлении. М., 1911 и др.

21. Маслов Пётр Павлович (1867—1946), русский экономист, социал-демократ, академик АН СССР (1929). Получил образование в Харьковском ветеринарном институте и Венском университете (изучал политическую экономию). В 1896 г. вернулся в Россию, сотрудничал в газете "Самарский

Вестник" и журналах "Жизнь", "Начало", "Научное обозрение". Активно участвовал в российском рабочем движении. После 1917 г. от политической деятельности отошёл, сосредоточился на педагогической и научной работе в Московском университете. Написал значительное количество сочинений: Аграрный вопрос в России Т. 1—2. СПб., 1903—1908; Мировая социальная проблема. Чита, 1921; Курс истории народного хозяйства. М.; Л., 1925; Основы кооперации и условия накопления кооперативного капитала. М.; Л., 1925 и др.

22. Туган-Барановский Михаил Иванович (1865—1919), видный русский экономист; в 90-х годах — активный представитель "легального марксизма", сотрудник журналов "Новое слово" (1897), "Начало" (1899) и др.; выступал оппонентом теории К. Маркса. Во время русской революции 1905—1907 гг. вступил в конституционно-демократическую партию (кадетов). В 1917—1918 гг. — министр финансов Украинской Центральной Рады. Основные работы Туган-Барановского: Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. СПб., 1894; Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1898 и др.

23. Солнцев Сергей Иванович (1872—1936), советский экономист, академик АН УССР и АН СССР (1929). Учился на медицинском факультете Московского университета (1900—1904). В 1912 г. защитил магистерскую диссертацию на тему: "Заработная плата как проблема распределения" (СПб., 1911). С 1913 г. — профессор Петроградского университета, затем работал в Томском, Новороссийском университетах. С 1929 г. в Совете по изучению производительных сил и одновременно зам. академика — секретаря Отделения гуманитарных наук АН СССР. Автор трудов: Рабочие бюджеты в связи с теорией "обеднения". Смоленск, 1907; Введение в политическую экономию. Предмет и метод. 1922 и др.

24. Тахтаров Константин Михайлович (1871—1925), русский историк первобытной культуры и социолог. Учился в Военно-медицинской академии (Петербург). Участник

революционной борьбы в России в 1890—1900 годах. С 1897 г. находился в эмиграции, где изучал социологию. Был учеником и последователем М. М. Ковалевского. С 1903 г. занялся исключительно научной и преподавательской деятельностью. Читал курс социологии в знаменитой Русской высшей школе общественных наук в Париже. После революции 1905—1907 гг. вернулся в Россию, где читал социологию в ряде высших учебных заведений, а с 1917 г. — в Петроградском университете, с 1924 г. он — сотрудник Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Из его трудов отметим: Очерки по истории первобытной культуры. СПб., 1907; Сравнительную историю развития человеческого общества и общественных форм. В 2-х т. Пг., 1924. Н. И. Кареев рецензировал некоторые его сочинения (см., например: Кареев Н. И. Социология г. Тахтарова // Русские записки. 1917. VI — V (апрель — май). С. 201—211).

25. Н. И. Кареев имеет в виду свою широко распространенную книгу "Введение в изучение социологии". СПб., 1897, выдержавшую — одно за другим — три издания: 1907 (2-е изд.) и 1913 г. (3-е изд.). Труд этот, выросший из чтения профессором лекций на Высших женских курсах (Бестужевских) и в Петербургском университете, по нашему мнению, не утерял своей ценности и потому его следовало бы переиздать.

26. Н. И. Кареев в данном случае отсылает читателя к главе V своей книги "Основы русской социологии" (папомним читателю: она до сих пор не опубликована), названной "Отношение историков к социологии". В ней он проанализировал и оценил отношение 11-ти русских историков к социологии: В. И. Герье, И. В. Лучицкого, А. С. Травецкого, В. О. Ключевского, П. Г. Виноградова, П. Н. Милокова, А. С. Лапо-Данилевского, Р. Ю. Виппера, В. К. Пискорского, П. Н. Ардашева и Д. М. Петрушевского. Глава эта подготовлена к изданию и появится в 1992 г. в альманахе социальных исследований "Рубеж", начавшем выходить в Сыктывкаре.

27. Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925), выдающийся русский историк-

медиевист. Ученик В. И. Герье. Окончил Московский университет. Профессор Московского университета. Академик с 1914 г. После 1917 г. был вынужден покинуть Россию и принять английское подданство. В последующие годы был профессором Оксфордского университета.

28. Виппер Роберт Юрьевич (1859—1954), советский историк, профессор, академик Академии наук СССР (с 1943 г.). Учился в Московском университете (1876—1880). В 1894 г. защитил докторскую диссертацию "Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма". После этого преподавал всеобщую историю в разных учебных заведениях, в том числе в Новороссийском университете (1894—1897). В 1897—1899 гг. — приват-доцент Московского университета; в 1899—1922 гг. — профессор этого университета; в 1922—1938 г. — профессор Латвийского университета (Рига), с сентября 1941 г. — профессор Московского университета. Виппер написал около 300 работ по самым разнообразным сюжетам всеобщей и русской истории, среди них и по теоретическим вопросам исторической науки, которым дает оценки Н. И. Кареев. Добавим, что брошюру Р. Ю. Виппера "Кризис исторической науки" (Казань, 1921) Н. И. Кареев подверг обоснованной критике в рецензии, которая до сих пор не опубликована. См.: Архив Академии наук СССР (Московское отделение). Ф. 627 (Е. В. Тарле). Оп. 5. Д. 49. Л. 1-4. В ней мысли во многом совпадают с теми, что высказаны Н. И. Кареевым на комментируемых страницах.

29. Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863—1942), историк-медиевист, заслуженный профессор (с 1925 г.), член-корреспондент (с 1924 г.), академик (с 1929 г.) АН СССР. Ученик И. В. Лучицкого. С 1906 г. — профессор кафедры всеобщей истории Московского университета, в 20-е годы — директор института истории РАНИОН. Петрушевский написал значительное количество исторических исследований. Кроме упомянутых Н. И. Кареевым, назовем: Восстание Уота Тайлера. Ч. 1-2. СПб.; М., 1897—1901; Очерки из экономической

истории средневековой Европы. М.; Л., 1928 и др.

30. Кареев имеет в виду главу V ("Отношение историков к социологии"), которая предшествует публикуемой главе его рукописи "Основы русской социологии".

31. Рожков Николай Александрович (1868—1927), русский историк, социолог, публицист и общественный деятель. В 1890 г. окончил Московский университет, с 1899 г. — приват-доцент этого университета. После 1917 г. — профессор ряда учебных заведений Петербурга и Москвы (Институт красной профессуры, Институт истории РАНИОН и др.). Рожков — автор свыше 300 работ, крупнейшие из них и подвергает своей оценке Н. И. Кареев. Подробнее см.: Материалы для библиографии трудов Н. А. Рожкова. М., 1928.

32. Гортер (Gorter) Герман (1864—1927), голландский левый социал-демократ, поэт и публицист. В 1897 г. примкнул к социал-демократам. В 1907 г. был одним из основателей газеты "La Tribune" — органа левого крыла голландской социал-демократической партии. В 1918—1921 годах входил в коммунистическую партию Голландии и принимал участие в работе Коминтерна. Затем вышел из компартии Голландии, устранился от активной политической деятельности и занялся научно-публицистической работой.

Бухарин в своей книге "Теория исторического материализма" (М., 1921), как о том пишет Кареев, упоминает одну из книг Г. Гортера.

33. Разумовский Исаак Петрович (1893 —?), социолог 20—30-х годов, преподавал исторический материализм на педагогическом факультете и факультете общественных наук Саратовского университета. Из лекций, читанных им в 1922—1923 уч. годах, вырос курс, который и оценивает Н. И. Кареев. Скажем, что "Курс теории исторического материализма" И. Разумовского выдержал три издания (1924, 1927, 1928), год от года увеличиваясь в объеме. На 2-е издание курса появилась пространная рецензия Г. Марченко, которая заканчивалась словами: "Мы уверены, что рецензируемая книга будет

широко использована нашей учащейся молодежью" см.: Под знаменем марксизма. 1927. VI I-VIII. С. 249—262.

34. Н. И. Кареев имеет в виду (знаменитых в своё время) братьев-философов Бауэров (Bauer): Бруно (1809—1882), немецкого философа, младогегельянца, автора трудов: Трубный глас страшного суда над Гегелем (1841, русск. пер. 1933, предисловие Б. С. Чернышова); Учение Гегеля о религии и искусстве (1842); и Эдгара (1820—1886), выступившего с брошюрой "Бруно Бауэр и его противники". За сочинение "Спор критики с церковью и государством" (1844) Э. Бауэр был приговорен к 4 годам тюремного заключения. После амнистии (1848) издавал в Альтоне политический журнал "Die Parteien".

35. Виндельбанд (Windelband) Вильгельм (1848—1915), немецкий философ-идеалист, глава баденской школы неокантианства. Известен также своими трудами по истории философии. Разрабатывая методологию наук, Виндельбанд утверждал, что естественные науки изучают повторяющиеся, а исторические науки — единичные явления в их неповторимости и исключительности. Виндельбанд делил науки на номотетические (изучают законы) и идеографические (описывающие факты и события). Однако приоритет в этом принадлежит не ему, а русскому историку-философу Н. И. Карееву, который лег за 10 до него установил две категории наук: номологические (изучающие законы) и феноменологические (описывающие факты) (См.: Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. Т. 1—2. М., 1883. Т. 1. С. 106).

36. Риккерт (Rickert) Генрих (1863—1936), немецкий философ, один из основателей (наряду с Виндельбандом) баденской школы неокантианства. Основные работы Риккерта посвящены учению о понятиях и познанию: Границы естественно-научного образования понятий (русск. пер. 1903); Введение в трансцендентную философию. Предмет познания (русск. пер. 1904); Философия истории (русск. пер. 1908) и др. Риккерт делил науки на генерализирующие

(обобщающие) и индивидуализирующие. К последним он относил историю.

37. Зиммель (Simmel) Георг (1858—1918), немецкий философ и социолог, основатель так называемой формальной социологии. Написал более 30 книг, посвящённых философии культуры, социологии, этике, истории философии.

38. Фирканд (Vierkand) Альфред (1867—1953), немецкий социолог и этнолог. Окончил Лейпцигский университет. В 1910 г. основал Немецкое социологическое общество. С 1921 г. — профессор социологии в Берлине. С 1934 г. — на пенсии, с запрещением читать лекции. С 1945 г. — председатель Кантовского общества. С 1946 г. — возобновил чтение лекций по социологии в Берлинском университете. Испытал влияние взглядов Зиммеля.

39. Визе (Wiese und Kaiserwaldau) Леопольд фон (1876—1969), немецкий социолог, представитель так называемой формальной школы в социологии. Основатель и издатель (1921—1954) журнала по социологии и социальной психологии "Kolner Vierteljahreshefte fur Soziologie".

40. Росс (Ross) Эдвард Олсворт (1866—1951), американский социолог и психолог, один из основателей американской социологической школы. На формирование взглядов Росса сильное влияние оказали Э. Дюркгейм, Г. Спенсер и др.

41. Смолл (Smoll) Албион Вудбери (1854—1926), американский социолог, один из зачинателей социологии в США. Испытал влияние Л. Уорда. Смолл был основателем и руководителем первого в мире социологического факультета Чикагского университета (1892) и Американского социологического общества, а также "American Journal of Sociology" (1895). Автор книг: General Sociology. Chicago; L., 1905; The meaning of social science. Chicago, 1910.

42. Веселовский Александр Николаевич (1838—1906), русский историк литературы, академик Петербургской АН (1880). В 1856—1869 гг. вел научную работу в Испании, Германии, Чехии, Италии. Руководил отделением русского языка и словесности. А. Н. Веселовский — выдающийся предста-

витель сравнительно-исторического литературоведения, блестящий знаток западноевропейской и византийской литературы разных эпох. Оставил большое научное наследие.

43. Гюйо (Guyau) Жан Морис (1854—1888), французский философ и социолог. Испытал сильное влияние идей Конта, Паскаля. Был профессором Лицея Кондорсе (Париж). Идеи Гюйо по праву считаются одной из первых попыток построения социологии искусства. Они оказали заметное воздействие на развитие названного направления социологии. Издано на русск. яз.: Собр. соч. Т.1—5. СПб., 1898—1901.

44. Полное название книги, которую упомянул Н. И. Кареев и которая принадлежит его перу, таково: "Сущность исторического процесса и роль личности в истории". СПб., 1890. 628. Этот огромный том органически входит в его "Основные вопросы философии истории" (Т.1—2. М., 1883). Названные три тома, в общей сложности насчитывающие без малого 1500 стр. убористого текста, представляют собой самое подробное по тому времени освещение действительно "основных вопросов философии истории" не только в отечественной, но и, пожалуй, в мировой научной литературе.

45. Бэн (Bain) Александр (1818—1903), английский философ и психолог. Главные труды Бэна относятся к области психологии и логики. Свои психологические воззрения изложил в книге "Психофизиологические этюды" (1859; русск. перевод. — СПб., 1869). В русском переводе имеется также его "Психология" (СПб., 1881). В России последователем Бэна был профессор Московского университета М.Тронцкий, который подготовил и опубликовал ряд трудов своего учителя.

46. Зигварт (Sigwart) Христоф (1830—1904), немецкий философ и логик. Профессор философии в Тюбингене (1865—1903). Написал целый ряд работ по логике и истории философии.

47. Читатель не может не заметить, что в Заключении Н. И. Кареев подводит общие

итоги всей книги "Основы русской социологии"; естественно, что последние его страницы посвящены публикуемой главе "Марксистская социология".

48. Майков Валериан Николаевич (1823—1847), литературный критик и публицист. Старший брат Майкова — Аполлон — талантливый поэт и критик. Младший брат — Леонид — этнограф и литературовед, с 1893 г. вице-президент российской АН. В.Н.Майков всю жизнь был одушевлен мыслью: "единственный для России путь к развитию — усвоение европейской цивилизации" (см.: Майков В. Литературная критика. Л., 1985. С.40). Хотя судьба отвела ему недолгую жизнь (мнее 24 лет), В.Н.Майков тем не менее сумел написать немало: Соч.: в 2-х т. Киев, 1901; Литературная критика /Сост., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. Ю.С.Сорокина. Л., 1985.

49. Скромность, присущая Н.И.Карееву, не позволила ему поставить свое имя рядом с именем П.Л.Лаврова в огромном деле — создании отечественной социологии. Спору нет: Лавров действительно стоит у колыбели "субъективной школы русской социологии" (см. примечание № 14), однако без Н.И.Кареева, Н.К.Михайловского и М.М.Ковалевского полного представления о "новой науке" невозможно иметь.

50. "...завзятый и уже старый юрист-метафизик". За этими словами Н.И.Кареев, по-видимому, скрывает Б.Н.Чичерина (1828—1904), русского философа-гегельянца, теоретика государства и права, историка и публициста, автора работ: Мистицизм в науке. М., 1880; Основание логики и метафизики. М., 1894. и др.

51. Кареев участвовал в полемике, которая развернулась на страницах российской периодической печати в 90-х годах XIX в. В целом ряде статей Н.И.Кареев выступил оппонентом марксистского понимания исторического процесса. Подробнее см.: Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И.Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988. С. 73—82.

НИКОЛАЙ ДАНИЛЕВСКИЙ: В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И В МИРОВОЙ НАУКЕ

Ю. С. ПИВОВАРОВ

Вот уже более ста лет идет острый спор вокруг идей Н. Я. Данилевского. Кто он? Предшественник Шпенглера и Тойнби, первопроходец, отвергший европоцентристскую, однолинейную схему развития мировой истории и обосновавший идею множественности и разнокачественности человеческих культур? Или мрачный предтеча тоталитаризма XX столетия? А может быть, по слову Достоевского, предтеча настольной книги для всех Русских надолго? Мыслитель, который "дал нам нечто вроде научной основы для избрания дальнейшего самобытного исторического пути" (К. Н. Леонтьев)? Так кто же он — Николай Яковлевич Данилевский?



Обращаясь к анализу творческого наследия Николая Яковлевича Данилевского, мы вступаем в мир идей, имеющих принципиально важное значение для русского самосознания, для уяснения исторической судьбы России, природы и специфики ее государственности, политической и правовой культуры. Н. Я. Данилевский был разносторонне одаренным человеком. Он известен как самобытный философ истории, социолог, этнопсихолог, автор работ по богословию, экономике, статистике, географии. Н. Я. Данилевский оставил о себе память и как ботаник, зоолог, ихтиолог, его перу принадлежит двухтомный критический труд о дарвинизме. И сколь разнообразны были проявления таланта этого человека, столь же разнообразны и оценки его

творчества. У Н. Я. Данилевского есть апологеты и безоговорочные сторонники, но немало и противников, а также тех, кто отрицает значительность и ценность его идей. И дело здесь, конечно, не только в том, что такова судьба многих больших мыслителей и ученых. Его мировоззрение действительно дает основания для противоположных мнений и оценок.

Но прежде чем говорить о мировоззрении Н. Я. Данилевского, хотелось бы обратить внимание читателя на тот весьма прискорбный факт, что идеи этого философа, несмотря на заметное оживление в обществе интереса к прошлому Отечества, по-прежнему остаются где-то на периферии нашего сознания, нашей памяти. Правда, после почти столетнего перерыва пере-